

Владимир Некляев

Веда

Книга поэзии

Минск
«Мастацкая літаратура»
1989

Перевод с белорусского

Перевод осуществлен по изданиям:

Някляеў У. Адкрыццё. Вершы. Мн.: Маст. літ., 197(5).

Някляеў У. Вынаходцы вястроў. Вершы і паэма. Мн.:

Маст. літ., 1979.

Някляеў У. Знак аховы. Кніга паэзii. Мн.: Маст. літ.,
1983.

Някляеў У. Наскрозь. Вершы і паэма. Мн.: Маст. літ.,
1985.

Някляеў У. Галубіная пошта. Выбранае. Мн.: Маст. літ., 1986.

Звезда Полынь

Некляев В.

Веда: Кн. поэзии: Пер. с белорус.— Мн.: Маст. літ., 1989.— 184 с: ил.

ISBN 5-340-00613-1.

В поэтический сборник лауреата премии Ленинского комсомола Владимира Некляева «Веда» включены новые, ранее не переводимые на русский язык произведения, а также стихи из его предыдущих книг «Местное время» и «Дерево боли».

ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ

1
Я никого на Земле не убил,
не преступил человечьих законов
Но за мою спиной Чернобыль
с огненной пастью дракона.

С огненной пастью — вовсе не то
словно дракона обидел.
Если вы слышали слово

ничто —

я это слово
видал.

Это — когда по велению богов
с именем

Цезий, Стронций —

ни для чего, ни для кого
всходит

peaktop

Ни для кого — сады и дома

Ни для чего
небо синеет.

Тот, кто от этого сходит с ума,
просто умнеет.

Чистая смерть — это смерть без примет.
Словно в стерильном конверте
нет у неё цвета и запаха нет...
Только записку вложили в конверт:
«Жизнь называется смертью».

Быть невиновной душа не вольна.
Это моя, а не чья-то вина,
мне она сердце выжгла.
Это моя, а не чья-то страна,
та, что люблю больше жизни...

Ветром проносит над весями пыль.
В горде слова все — комом.

ПОЭМА

Молча о мире кричит Чернобыль
каждым пустым своим домом.

Скорбный над Припятью дождь зарябил.
Скрепер срезает зелень.
Я никого на Земле не убил —
в Землю хоронят землю.

Внемли,
кто знал,
кто но знал,
кто забыл
между границ, выбиважь из сил,
мечтесь
случая
черная

Все, что случается,— может случиться!..
Молча
о мире кричит Чернобыль.
Может быть, докричится.

2
Боже, не дай мне рай
и ничего другого,
только спаси мой край
ради всего святого!

Мухой жужжать я рад
в уши твои, все вышний!
Только не выплюнь в ад
Землю
косточкой вишни.

Кинет расстрига, строг,
око
на ход событий:
— Что ты все бог да бог?
Хватит пустых наитий!

Ну а тогда к кому?..
К людям пойти с мольбою
сделать моей судьбою
нищенскую суму —

лишь бы душой не смог
в жабу я превратиться...

Был бы он,
этот бог,
было б кому обратиться.

Срезали богово ухо —
страх
к небесам прирос.

...Наше сраженье с духом
нешто всерьез?

Смыкай ряды, атеисты,
срывай со святых одежды!..
В небе стерильно-чисто.
И никакой надежды.
Галактика —
как острог.
Какой там к дьяволу бог!

Но это
только пролог,
игра завершится патом.
Бог
будущих наших дорог —
АТОМ.

3
...Я с ним на безлюдном плато.
На всю округу нас —
трое.
Он —
бог,
потому что никто
не знает,
что он такое.

У нашего с ним стола,
в кофтенку кутажъ зябко,
сидит одинокая бабка
из бывшего рядом села.

У ней —

ни воды, ни земли,
ни сада, ни шила, ни мыла.
А звали село —

Соболи,
да только когда это было.

Но тянет ее рука,
вся в старческих зернах тмина,
из тощего узелка
два яблока —
два пепина.

Так вот он
беды сигнал —
генетики не обманули.
— Возьмите, — просит бабуля, —
берите, что бог послал.

От опухолей распух
приплод, опыленный ядом...
«Не время жалеть старух», —
Мне бог намекает взглядом.

Старуха седа, как выюга,
и взгляд у старухи сед...

«Кого нам жалеть?.. Друг друга?»
И бог мне бросает:
— Нет.

Он давит меня, как гнет.
Всесильна его десница.
И все же чего-то он ждет,
и все же чего-то боится,
хоть голос его — железный,
хоть взгляд у него — чрезвычайный,
костюмчик на нем — зарубежный...
Хоть он предо мной —
неизбежный,
а я перед ним —
случайный.

— Садись, не торчи, как шпинь, —
мне бог говорит.—
Потолкуем

про эту твою растакую
Звезду Полынь...

4

А у бабки клюка да сума,
и ночует она где придется,
и из горла пророчество рвется,
будто клекот сошедшей с ума:
«Она взойдет средь ночи,
блеснет в небесной стыни,
и жаром выжжет очи
она людской гордыне.
Разрушится запона,
ударит гром отпертый,
и вздрогнет мир от стона —
живых утешил мертвый.
Дороги пыль завеет,
забудет близкий ближнего,
когда звезда созреет
полынного всеышнего...»

Старуха твердит:
— Пойду,
мне топать осталось мало.
Быть может, семью найду,
которую ветром угнало
от этой лихой беды,
где легче слепым, чем зрячим,
где брать не велят воды,
где землю под землю прячут,
где возле забытых хат
шныряют забытые куры...

Я бога прошу:
— Покурим?
А он мне:
— Не я виноват.

5

«А кто же?!» —
Вскричали земля и вода.
«Не я!..» —
Отозвалось им эхо из дали.
И около бога,
как в зале суда,
Земля и Вода конвоирами встали.

Им нет и не будет цены —
одним
из всего, что имели.

Мы звездным огнем овладели,
а нами командуют сны.

Протоплена адская печь,
и выгребен жар из подтопка.
А стоит игра эта свеч?
Куда заведет эта тропка?

Научат ли нас ходоки
от толщи воды заражённой,
от пустошей Припять-реки,
где выпало ниве зелёной
полынною зону стать?
От тех, что далёко от зоны?..
Каких еще чисел законы! —
Когда на земле —

миллионы
спокойно желающих спать?

...Беседую с богом зон.
У бога — ума палаты:
«Есть чисел больших закон.
Просчитаны все утраты».

Бог видит себя бугром,
он знает, что чем чревато.
А в зоне посеян гром,
что может грянуть когда-то.

Проси у бугра добра —
и жди под бугром расплаты!..

Господь, из чьего же ребра
сделаны технократы,
па лбах у которых пробито:
ЭЛИТА?

Когда голоса — железные
и мечут глаза чрезвычайность,
становится неизбежно
любая случайность...

В окне

на колючку сухого вазона
записка пришилена:
«С днем рождения!»
...В этот день появилась
ЗОНА ОТЧУЖДЕНИЯ.

«Мы такой не слыхали беды...
Ладно, если б чума или голод...»

На все километры земли: и воды
только бабулин голос.

«Было вроде спокойно сперва,
по приехала делегация,
и поплыли по хатам слова —
радиация, эвакуация...
Объявили: такое зло
не погасишь тушилками.
И тогда зарыдало село,
и поехало, и пошло,
не простившись с могилками...
В узелке документ да рубаха —
для чего человеку боле?..»

Этот голос — за гранью страха,
этот голос — за гранью боли.

«Я ждала ужо лиха на лето —
ведь не зря ж злоба так взлюбовала.
Да и верно:

 болтают, комета
слишком близко к Земле пролетала...»

Я бога за лацкан беру:
— Скажи-ка, для этого краю
ты свой бог?! —
Я криком ору,
а он отвечает:
— Не знаю.
Пока эта зона локальная...

Но тут каменеют резоны —
на них проступают наскальные

рисунки отравленной зоны:
изъеденный лик террикона
и, как на державной границе,
посты, где зачеркнута зона
изломанной спицей.

Я знаю: у бога
всякого много.
А сам-то он есть?..
В ответ
старуха смотрит тихо и строго:
«НИГДЕ НИКОГО НЕТ».

9 точною
8 стрелкою
7 расчетливый
6 случай
5 обратный
4 отсчитывал
3 час...
2 ...и подскочила, как мячик прыгучий,
1 Земля под ногами у нас
0

7
Одним витком весь век твой, человек,
обвязается
 кометою Галлея,
но человек из-под усталых век
следит за нею,
 жизни не жалея...

Зачем тебе комета, человек?
Зачем ты хочешь знать ее ядро,
когда ничто не можешь взять оттуда?
Вот нефть, вот уголь, злато-серебро —
копай, бури, греби себе добро
да радуйся, что есть все это чудо!

Ну что тебе до странницы небес,
что трезвый ум враждебностью тревожит?
Опасен твой абсурдный интерес —
ты без нее прожил бы дольше, может...

Так нет!

Все телескопы в звездопад
нацеливаешь ты нетерпливо:
«Ну где ты, где?
Быстрай лети назад
космическое огненное диво!»

Ты
разума пытливого гонцов
шлешь в мирозданье —
и ликуешь в трубы,
чтоб ведал свет,
что ты из молодцов!

А иа земле не сводишь ты концов
обычных дел
и сам себе же в убыль
вооружаешь атомом бойцов.

Как понимать тебя?
Неужто, как комету,
как вечности безвестного гонца,
ты ожидаешь крах житъя и света?
Возможно, так...

И ты
взорвешь планету.
Неужто хочешь этого конца?

Быть может, там,
где звездные узоры,
ты и найдешь себе на время дом,
откуда видно будет,
как в просторы
летит лисица с огненным хвостом —
твоя Земля...
— Ну что, дохитровался?

Сумел проникнуть в тайники ядра?
А для чего?
Чтобы пришла пора
отринуть то, чего ты домогался,
чтобы за хвост мой огненный

цеплялся

ты, как слепой —
за след поводыря.

Одумайся!
Такого наказанья

ни в библии не сыщешь,
ни в коране,
но ты с Земли —
хоть па куски разрежь! —
не сбросишь, неразумный землежитель,
реактор свой и свой же ускоритель,
не испытав их пагубы допрежь!

Наш судьбоносный шлях!
Летит комета.
Сама собой замкнет она виток,
возвысится Галлей,
будто пророк...

Ну а пока
весну сменяет лето,
надежда есть хоть на воды глоток
и на глоток озона...
Хоть на это.

* * *

Гляну вперед —
за утратой утраты...
Год остается? День ли всего?
Рок!
Мои близкие ие виноваты!
Смерть!
Потерпи до конца моего.

Час у могилы, что мне уготован,
Дай не изведать на долгом веку...
Я к телефону, как узник, прикован —
Горло сжимаю ночному звонку.

Небо!
Уж коль неизбежны потери,
Громом сперва надо мной прогреми...

Мама, прости меня...
Батя, не верь мне...
Боже, молитву мою не прими!

СЕСТРА

Он налетал с утра,
Как колесо с горы:
— Где же твоя сестра?
— Нет у меня сестры.

Вскриками топора,
Воплями мглы сырой:
— Где же твоя сестра?
Что же с твоей сестрой?

Голод — хоть волком вой.
Пресная гниль коры.
Холод — хоть землю рой,
Но из глубин норы,
Но из земли сырой
Страшно вопит дыра:

— Что же с твоей сестрой?
Где же твоя сестра?

— Нет у меня сестры.
Не было никогда...

Вышли.
Все.
Сухари.
Кончилась.
Вся.
Вода.

Лег
на краю костра.
Глухо сказал:
— Украй...

Думал: «Ну вот, пора...
Как там теперь сестра?..
Что там с моей сестрой?..»

* * *

Когда, ломая воздух, самолет
Взлетает и торжественно орет —
Одна лишь мысль во мне не угасима:
«Как счастлив тот, кого никто не ждет».
Лишь эта мысль. Она невыносима.

НЕБЕСНЫЕ ВРАТА

На кладбище глухом, среди немых надгробий,
От света дня скрыт мерцающей листвой,
С утра стоял старик, казавшийся подобъем
Поникшего креста, подпертого клюкой.
По истеченье дня, когда листва угасла,
Измучившись читать лица его черты,
Я подошел к нему. И он сказал: «Напрасно
Ты подошел ко мне. Зачем мне нужен ты?
Знакомства заводить на кладбище не место,
Иные есть места для праздной болтовни.
Все то, что спросишь ты,

мне наперед известно.

Вопросы — ты и я. Ответы?.. Вот они».

Спокойною рукой он указал на камни

И шевельнул клюкой, как очертил кольцо.

«О, нет,— сказал я ,— нет, не смерть,

иная тайна,

Угаданная мной, печалит вам лицо».

Он повторил опять:

«На кладбище не место...» —

«Что делали вы здесь?» —

«Выслушивал траву».—

«Вы ждали?» — «Нет». — «Кого?» —

«Вопросы неуместны!..» —

«Я знаю, кто она, я имя назову.

Вы видели ее, вы говорили с нею.

Здесь в листьях и траве она растворена».

И он ответил: «Что ж, согнать я не посмею,

Да, именно ее, да, именно она.

Но, если ты решил, что понял тайну эту,

Напрасно назовешь всех женщин имена».—

«О, нет,— сказал я,— нет, таких желаний нету,

Мне важно знать лишь то, что именно она.

А имена, они

начертаны на камне,
И выбрал я для вас
Вот это...» — «Боже мой! —
Воскрикнул он тогда.—
Она была жена мне...» —
«Вы путаете все... Могла бы стать женой».—
«Да, да,— он прошептал,— она могла...
Как странно...
Но только ты не смог постигнуть тайны всей,
Она мне не жена — она была сестра мне...» —
«Простите,— я сказал,— могла б
остаться ей».—
«Да,— согласился он,— она могла... Так было...
Нет, было все не так! О, как я мог забыть!
Она мне не сестрой — она была любимой...» —
«Возможно,— я сказал,— могла бы ею быть».—
«Ты глуп! — воскрикнул он.—
Что можешь знать ты,
Кроме
Того, что я сказал, того, что я скажу.
Свободных душ родство
сильней родства по крови.
Ты знаешь это?» — «Да. Теперь я ухожу».—
«Постой! Повремени... Побудь со мной
немного.
Скажи, когда она немыслимо длинна,
Скажи, ты знаешь, как
кончается дорога,
Ответь, ты знаешь, где
кончается она?» —
«Нигде,— ответил я .—
Нет ни имен, ни отчеств
У родственных вам душ, и вы обречены...» —
«Молчи!.. — он застонал.—
Я не терплю пророчеств,
Особенно когда пророчества темны».—
«У вас там близких нет,—
я продолжал жестоко,—
Вы растеряли тех, кто мог бы вас позвать
Туда, куда мы все по истеченье срока
Уходим...» —
«Замолчи!.. — он застонал опять.—
Зачем мне нужен там — кто здесь мне
нужен не был?
Ты вздор несешь! —

«Ну, что я;... Прощайте».—
«Погоди!
Ты прав! Я одинок в конце пути — и мне бы
Услышать голоса прошедших впереди.
Но не прошел никто. Напрасно напрягаю
Я немощный свой слух — там нету никого.
Ты знаешь, где они?..»
И я ответил: «Знаю»,—
Хоть знал: ни он, ни я не знаем ничего.
И он об этом знал. И в те пределы глядя,
Где нету ничего,
И перейдя на «вы»,
«Не бойтесь,— он сказал.— Но бойтесь,
бога ради:
Я все-таки умру, хоть вы во всем правы.
Она меня не ждет. Но кончится дорога.
Должна она позвать,
Простить она должна...
Лишь как ее зовут, скажите, ради бога!
Скажите лишь, зачем она мне там нужна?»
Он мне в глаза взглянул...
И не было во взгляде
От взгляда ничего — одна лишь пустота.
И, холодно кивнув, он двинулся к ограде,
Где сторож закрывал небесные врата.

* * *

Ад — налево. Справа — рай.
Как по льдине,
К середине знай шагай,
К середине.

От начала. От конца.
И всецело —
К середине,
Где венца
Дело.

...Не согласен? Кривиши рот?
Ну еще бы!
К середине?.. — Там парод...
Ты — особо.
Ты — пророк? Мессия? Ты —

Лавр па темя?

Эй, с портфелем!
(Тебя спрашивают, чего зенки вылупил?!)
На твоих
На золотых
Что за время?

* * *

...И не только фасоны пальто,
Интерьеры и прочее.
Изменяется то,
Что казалось незыблемым. Прочное.
Всех привычек корабль
Топот!.. Вечная память!
Но стоишь как на кочке в болоте журавль —
Негде ногу вторую поставить.
Друг пристанет
Объяснять суть и смысл перемен...
Проступает фундамент
Из-под рухнувших стен.

ИДОЛ

— На,— он сказал.— Поверь.
И не помрешь.
Меня и род мой ты переживешь.

И я ему поверил, больше в долг,
Слизнул с его ладони яд, как волк.

— Не бойся,— он шептал,— в груди огня...
Дал умереть — и воскресил меня.

Потом спросил с усмешкой, почему
Поверил не себе я, а ему?

Чтоб в лености я духом не ослаб,
Он мучить стал меня:
— А что, когда б..?

— Нет! — я кричал.— Ты богом был моим!

Но все страшней мне было рядом с ним.

И встал меж нами ужас, как стена.
Тогда он вновь сказал однажды:
— На...

ИЗ БОДЛЕРА

Не ввалияся средь ночи — и пытать
Не поведут в осклизлый склеп совиный.
Спи, злыден! Правосудию плевать —
Повинна голова иль неповинна.

Судья твой спит. И дрыхнут сторонка.
У палача — шлющонка, дочь прелата.
Ему плевать, как там — твоя душа,
Пусть виновата, пусть невиновата.

Убийца, спи! Спит в кодексах — закон.
Державный пыл на буквице закона
Так жирно лег... Спокойно спи! Твой сон
Не всколыхнут до утреннего звона.

Так что ж вопиши?.. Душа овечья... Ты!
Пред кем — готов ты рухнуть на колени?
Пред совестью? Плевать! Ее куреня —
Вериги разной мелкой сволоты,
А ты!..

И все ж не спиши...
Кричиши...
Боишься ты...

БЕЗДНА

Нет силы
в бездну заглянуть?
Не плачься,
загляни!
И там — дурдом! И спешки жуть.
Болотные огни.

Клубится бунтов красный чад,

И ветром

— яд на сад!

И полшрает гада гад,
И брата мучит брат.

Трещат хребты, кипит смола —
Жириеет черный царь!
Не отверни лица от зла —
Гляди, как пляшет тварь!

Гляди, что делает с тобой
Их камень жерновой!
А если дрогнет разум твой —
Простишься с головой...

ПИЛИГРИМ

Вошедший в дом оставил за порогом
Хулу и лесть, но не оставил вздор,
И, говоря о разном и о многом,
Все ни о чем ведет он разговор.

«Не поминайте всеу имя бога», —
Твердит вошедший в дом. На нем до пят,
Как пыльный плащ, наброшена дорога,
И сапоги истертые скрипят.

Он ходит по паркету, оставляя
Следы болот, пустынь, солончаков...
Кто — эта пыль, кто — эта грязь святая,
Изгой, отшельник этот — кто таков?

Никто не знает. Только столь постыдна
Жизнь каждого из приглашенных в дом,
Что святость пилигрима очевидна...
Он говорит о вздорном, о пустом —

Но в мире, где из хлеба бомбы лепим
Мы весело, как дьяволы в аду,
Невольно содрогает душу
Лепет
Про Страшный суд в двухтысячном году.

В САДУ НАД РЕКОЙ

Несовпаденье дат.
Несовпаденье вех.
...И вот летит назад
Давно забытый снег.
Взметнул забытый дождь
Хрустальное крыло.

Пусть было все —
И все ж,
Что будет — не прошло.

В саду, где над рекой
Все бредит соловей,
Пружиной
Под рукой
Тугой изгиб ветвей.

Отпустит ветку сад —
Она за горизонт
Мелькнет — и вновь назад
Вернется, прирастет...

СЕМЯ

...Не хранили следов его
тропки,
овраги,
накатник,
Ни пустырь,
ни заросший осокою плес.
Пер мужик наугад —
Прикипел к его ключицам ватник.
Он в заветном платке
семена потаенные нес.

Как от смерти бегут,
Он от жизни в яремах спасался,
Хоть ни жизнь и ни смерть
Не грозили расплатой ему.

Он три раза бежал,
Он три раза домой возвращался...

На четвертый вернулся —
да не было больше к кому.

Он три ночи стоял
неподвижно у отчего дома,
На четвертую ночь
Бросил семя в размытый подзол.
И земля содрогнулась,
как будто от низкого грома,
И отринула семя...

Тогда навсегда он ушел.
Все четыре конца
Раздобытого кривдой простора
Потащили его
за укрытое тьмою село.
Ничего впереди...
Позади, как собака на вора,
Грома лаяло эхо.
Пустырником поле цвело.

* * *

Хоть и живем однова,
стоило все же родиться.
Падает тихо листва,
грустно родник серебрится.

Розовощекий ранет,
парус на фоне рассвета —
кто не родился на свет,
тот не увидит все это.

Ахни!
Тебе одному
выпало радости столько...
Впрочем, и сгинуть не горько.
И не попять почему.

ОХОТА

Сбили на взлете...
Падала, шатким крылом

Небо цепляя...
Добыча... Птица былая...
По вертикали повел мой товарищ стволом:
— Мимо, бодай тебя... Мимо, холера!..
— Бывает.
— Ты молодчина. Где насобачился, слышь?..
Цезарь, апорт!..

А она еще чиркнула искрою
По небосклону —
И врезалась в темный камыш
Отзвуком выстрела.

Ради товарища
злость гримирую под фарт,
Хоть и товарищ былой,
В стае моей не летает...
— Брось ты, ей-богу... Не понимаешь?.. Азарт!
Не понимаю, если азарт добивает!

Память моя!
Ты, как опухоль, стала болеть.
Предки, потомки пытают мой разум наветами.
Слыши — и глухну,
Вижу — и страшно смотреть.
Раны вопросов бинтуются поздно ответами.

Выше ответов
убитая птица плывет,
Выше вопросов,
где истину пулей не вырвать.
Истина — вечное.
Выше — лишь выбор ее.
Вечное выбрав,
Истину можно не выбрать.

Ах, эта птица,
Что облако с небо смела!..
Кто растолкует мне

связь
между ею и мною?
Только вопросы меж памп, пещерная мгла,
Только щемящая память крыла за спиною.

...Мы
На Земле
Место
Нашли
Поуютнее.
Дров нарубили. Сварганили ужин и кров.

Под небесами,
где искрами зыркали спутники,
Воды баюкали:
Отблески наших костров.

* * *

На радость и людям, и гадам,
живому всему не на горе —
веселые звезды над садом,
усердный скворец на заборе.

На радость!
А где-то страдают,
и кто-то оболган невинно.
А звезды мигают, моргают,
а птицы поют-распевают —
наивно, наивно, наивно.

СТОРОЖКА

Ветер топает по крыше.
Мертвый снег — да в окна страх.
Пусто. Гулко.
Чей там слышен
Крик в заброшенных полях?
— Мама, кто там?
— Спи, морока!
Ветер. Скрипы...
— Глянь в окно:
Бурдалак!
— Побойся бога!
— Кто-то бродит все равно.
Крик.
— Слыхала?
— С поля дует.

Выстрел.
— Слышишь?
— Гром...
— Зимой?
Мама,
Кто там все колдует?
— Это стужа, мальчик мой.
В лапах мрака стонет хата.
За стеной скребется ель.
— Мама, страшно...
Где наш тата?
— Папа в городе...

Метель.
Пусто. Гулко.
Крики. Стоны.
Выстрелы. Шаги.
И тиши.
Край далекий. Шлях студеный.

«И-ме-нем на-ро-да!..»
— Спишь?
...Он уснул, как будто канул.
Подошел и в окна глянул
Бурдалак, гудящий в рог.
А наутро ветер грязнул
Шапку батьки — на порог...

ГЕРНИКА

Сны —
озерами у изголовья,
озерами
белых и черных дождей,
озерами
воды и крови.

Руки закину
и зачерпну
горстями
белый и черный дождь,
горстью — воды,
горстью — крови.
Проснусь:

ладони
одна на другой
под щекой
на подушке, наполненной снами,
Знаменами и оружием.

ОБЛАКО НАД ШКОЛОЙ

— Облако это хоть постриги —
Пасется на небе овечкою облако.

— Ага. Постриги — и сразу беги:
Схоже с медведем облако обликом.

— Да нет, у него плавники, как у рыб.
— Похоже на взрыв.
— На атомный гриб.

— Дурак ты! Оно — как копна у межи:
Бери и набрасывай в резвины.

— Как гриб, говорю!
— Своей мамке скажи!..
Детские игры... Сны... Миражи...

Облако это на виражах
Четыре стрижа.
Как четыре ножа,
Взрезали.

ВИНА

Признать вину, не обручась с виной,
отцепка только от суда людского...

Когда душа, как за стеной острога,
и ты следишь за ней, как часовой,
не повторяй банальнейшую быль,
что ложь жива
и что ее же пыль
лик правды застилает, как облога.
Не с речи, а с поступка начинай:
острог разрушь,

нож страха поломай,
винтовку отними у часового.

БАЛЛАДА ЛЖИ

Я выходил на сцену — и читал
стихи,
интимно

голос
понижая...

Передо мной был зал. Обычный зал.
В нем стыла тишина сторожевая.
Я знал, чем подкупить его и взять,
Какое как вшептать стихотворенье,
И знал, где будет он рукоплескать
И где молчать, храпя недоуменье,—

Все шло привычно. Как всегда.
И вдруг,
Поведав про любовь, измени, муки,
За веерами хлопающих рук
Увидел я молящиеся руки.
Та девочка

прижала их к щекам —
И лишь одна, не слыша всплесков зала,
Моим рукоплескательным стихам
Не хлопала... Она им
сострадала.

На донышках ее прозрачных глаз
Слова мои темнели болевые...
«Ах, глупая,— подумал я ,—
сейчас

Скажу тебе веселые, смешные,
Вот слушай — озорные, про коня,
Который пел
И говорил стихами...»
Но девочка

смотрела на меня
По-прежнему болящими глазами,
Как будто я, кого-то склонив,
Вдруг на поминках
Веселиться начал!..

И замолчал я, все стихи забыв.

Мне стало страшно, что она заплачет
И, полная моей красивой лжи,
Зрачками все темней светя и уже,
Поднимется и крикнет:
«Докажи,
Что с этой ложью

ты кому-то
нужен!..»

И стал я говорить слова не те,
Которые привычно брал из дома...

«Товарищи! Мы в нашей суете
Друг другу так постыдно незнакомы.
Мы одиноки на виду у всех,
И так разноязыки души наши,
Как будто мы все искупаем грех
Гордыни зодчих Вавилонской башни.
Свою гордыню стали мы стеречь —
И близостью друг друга только дразним,
Мы столько не отпраздновали встреч,
Что стали забывать про этот праздник.
Стихи читать, как на балконе петь,
Неловко...

Но, чужбинные донельзя,
Мы стали одиночеством болеть
Со сладостью!

И нет страшней болезни!
И потому, как лекарь врачевать
Пытается одной святою ложью,
Поэт вдруг выйдет на эстраду врать,
Уверовав, что эта ложь поможет,
Что, зал притихший ею оглушив,
Он,

выбрав лица, как мишени в тире,
Соединит хотя бы две души,
Хоть две судьбы

В разъединенном мире...

Поэзия — река,
Поэт — паром,
Но дно роки
заносят ил и глина.

Скажите, вам
Страх немоты знаком?!

Я столько раз над письменным столом
Склонял ночами голову повинно

И понимал, что существую зря,
Ни для кого... И ничего по стою.
Поэзия — наивная игра,
Занятие трагически пустое,
Когда слова, как за рекой огни,
Мерцают и обманно, и нежно,
И подступают с бритвою опасной
К немому горлу
Яростные дни...
Товарищи! Оставим в стороне
И личный вкус, и личные привычки.
Из залежей поэзии в стране
Нужней ковать ключи, а не отмычки.
И наплевать, что станет делать зал:
Дарить цветы или ногами топать...
Ты, девочка,
смотри в мои глаза.
Я не читал стихи. Не надо хлопать».

ВОЛЧЬИ НОЧИ

...Когда зима, и слышно волчью стаю,
И звери воют, давятся тоской,
Тогда и я безуметь начинаю,
Как будто узнаю, припоминаю
Знакомый голос в этом вое.
Мой.

И жутко мне.
Душа во мне звереет.
Гляжу в поля, где утро розовеет,—
От ужаса ночного сам по свой...
А днем не помню. Разум мой немеет.
Хотя под языком и холдеет
Бессмысленный, протяжный волчий вой.

ЧЕРДАК

Я понял, что я не усну,
В ненастье окно открывая.
Там ветром качало сосну
И грохала сталь листовая...

...Я встал и полез на чердак.
Но ветром свечу загасило —
И в щели обрушился мрак,
И взвыла нечистая сила.
Я тыкался слепо в углы,
И всюду стонало, гудело,
И мгла, словно тесто, густела,
И бесы свистели из мглы.
«Огня! — закричал я , — Огня!» —
Совсем одурев от испуга.
Ну кто мог услышать меня
За лесом, за ветром, за выногой?
Я темень месил кулаком,
Ногтями ей морду царапал.
«Подонки! Ублюдки! Арапы!» —
Вопил неизвестно о ком.
И вдруг — словно кровь по игле —
У глаз моих искра мелькнула,
И вспыхнуло что-то, сверкнуло,
И что-то возникло во мгле.
«Тут есть кто-нибудь?» — я спросил,
И всхлипы услышал, и всхрапы:
«Да, есть. Те, о ком ты вопил.
Подонки. Ублюдки. Арапы.
Здесь бал! Здесь всемирный шабаш
Справляет нечистая сила.
Ты с нею,
Ты с нами,
Ты наш,
Тебя эта мгла пригласила.
Ты нынче узнаешь восторг
Предательства —
Волком на запах
Пойдешь ты за ним на восток,
На север, на юг и на запад.
Ты станешь, как старость, седым,
Но розовым будешь, как детство,
Вдохнув наркотический дым
Запретной свободы злодейства...»
«Свечу, — я взмолился, — свечу,
Довольно плести небылицы,
Я лица увидеть хочу,
Какие вы носите лица?!»
«Прекрасные! — прогрохотал
Тот голос, как сталь листовая,—

Ты их без труда бы узнал,
Альбом своей жизни листая.
Смотри...»
Засветилось кольцо
Безжизненным светом неона,
И в нем я увидел лицо
Прекраснее лика Мадонны!
«Ну что,— мгла спросила,— узнал?
Она тебя здесь ожидала...»
И в ужасе я закричал —
И мгла мне в ответ закричала.
«Нет, нет! — я кричал.— Это ложь!» —
«Пусть ложь! — мгла кричала.— И все же
Ты с нами, на нас ты похож,
И все остальные похожи!
При свете — друзья и родня,
А ночью — по нормам крысиным...»

Нащупав бутыль с керосином:
«Огня,— прохрипел я , — огня!»
И, вспыхнув, сосулька свечи
Повисла во мгле, оплавая;
Я бросил бутыль в кирпичи...
...И тут же очнулся, пылая.

Стонал и шатался мой дом,
И грохала сталь листовая,
И вынога, весь мир заметая,
Вопила, небес достигая,
Бог знает о чем и о ком.

* * *

Все поддельно! И любовь поддельна!
В никуда глаза твои глядят.
Мы сидим угрюмо и отдельно,
Как вочных троллейбусах сидят.

Это происходит не со мною.
Это происходит не с тобой.
Это происходит со страною.
Родиной. Отечеством. Судьбой.

СЛУЧАЙ

Утопленник всплыл поутру.
Шуршала трава на ветру,
И лодка качалась...
Событие обозначалось
Спасателям не по нутру.
И старший спасатель по имени Яков,
Опухший от водки,
Приделал утоищему камень
и якорь,
Изъятый из лодки...
С одной стороны — мокроватое дело.
С другой стороны —
Последствий оно никаких не имело
Для судеб великой страны.
Да мало ли что происходит в стране,
Где столько и всякого!..
Где каждый второй понимает вполне
Спасателя Якова.

ВОПРОС

Дни рассыпаем, как мак по столу.
Жизнь переводим.
Только однажды как ухнет в углу:
— Что происходит?!

Порваны... кровности... нити... народ...
Не оправдание — лепет.
Дико светло! А звезда упадет —
Морок облепит.

— Что же случилось с течением лет?
— Будто не знаешь!..
Крут твой вопрос. И опасен ответ.
Прыгнешь —
и шею сломаешь.

ОТВЕТ

И вопросил он после всего:
«Если живешь, то во имя чего?»

И засмеялся я: «В этот момент
Лучше смолчу, ибо знаю ответ».

КОСМОС

Однажды проснувшись в избе,
ты вздрогнешь, припомнив победно
что можешь летать,
что тебе
подвластна холодная бездна.

И призрачный бред бытия
тебя прошибет аж до поту,
и станешь родное дитя
учить не ходьбе, а полету.

Ведая горькую веду

ВЕДА

Ведаю горькую веду:
вырублю памяти сад —
и поплыву, и поеду,
и не покличут назад.
И на луга Беларуси
той нареченной порой
только травою вернусь я,
темной печальной травой.

ТУРОВ

Где храм когда-то был —
теперь пивная.
Цыган веселый пляшет, припевая...
Украл коня он — и удачно сбыл,
а грех запил!..
Здесь храм когда-то был.

Провинция!
Люблю твои контрасты!
Люблю твой люд
скуластый и горластый,
хмельную удаль
да простор полей!
Но для чего, скажи мне,
в сотый раз ты
ломаешь дом
истории своей?..
Цыган шалеет.
Млеют мужики.
История моя. Полещуки.
Нальют стаканы — стиснут кулаки.
Как пилорамы, ходят желваки.

— Ты, может, расстарался бы, Рыгор?
За первой — разговор не разговор.
Рыгор не гордый.
За второй,
за третьей
пошла беседа про житъе на свете.

— А что житъе?.. Забыют,

как в стенку гвоздь:
один швейцар вой, будто в горле кость.
Дурной мужик. Откуда только злость?
Мы гости все — и он, брат, тоже гость...

Швейцар, косжь, задержит взгляд на мне.
Он знает сам, что истина в вине,
но прет на службе из его натуры
поборник ярый питьевой культуры.

— Панас!
Давай до нас! Добро винцо!..

Усмешка вырвет молнией лицо
из темноты,
где прячет от людей
швейцар

свои галактики идей.
Остряк гогочет — вздрагивают миски.

До Гомеля — ого!..
Длинней — до Минска!..

Цыган танцует —
множит сапоги.
— Чего расселся?
Встал не с той йоги?!

Провинция!
Тоска твоя туга.
Глухие возле Турова снега.
А некогда... Да кончилось давно,
провинция! Прогорклое вино,
провинция! Отеческая кровля,
я только здесь себе почти что ровня.
Провинция! Как быть мне, как мне жить,
чем мне еще на свете дорожить?..

Смеется девка, полная грудей.
— На круг ее!
— В середку!
— До людей!
— Эх, мама, жаль,
что каши с ней не сваришь!..

— Ты что, товарищ?
— Захмелел товарищ...
— Да не цепляйте... Пусть себе поспит...

Провинция!
Ну почему болит?..
Катаю по столу намокший мякиш:
есть, слава богу, Туров,
Зельва,
Мядель!

Цыган кричит:
— Да выпей! Сделай честь!
Не пропадем!..
Еще, брат, кони есть!

ЯРМАРКА

На ярмарке в Волошино,
Под городом Сморгонь,
Мне продавали лошадь:
— Купи, товарищ, лошадь!
Смотри, какая лошадь!
Хороший очень конь.

— Человек хороший,
Конечно, не секрет,
Что я купил бы лошадь,
Да только денег нет.

А тут как раз на площадь
Цыгана принесло:
— Ты покупаешь лошадь?
Возьми тогда седло.

— Человек хороший,
Конечно, не секрет,
Что я купил бы лошадь —
На лошадь денег нет.
И я седло купил бы
И цену б не спросил,
Но
Не купил я лошадь,
Я лошадь не купил.

А через площадь шпарит
Мужик напропалую.
— Купил седло, товарищ?
А остальную сбрую?

— Человек хороший,
Ей-богу, я любую
У вас к седлу и к лошади
Купил бы сбрую...
— Дорогой приятель,—
Не выдержала лошадь,—
Коль ты не покупатель,
Освободи-ка
Площадь.
Вот так она сказала,
Сказала — и заржала.

РОДНОЕ

Весенний первый гром
Скатился, как с горы,
Раскатом у криниц дубы шатая..
Здесь аистов земля.
Озера да боры.
Окопы да полынь — земля святая.

И не забыт здесь плач —
И не убит здесь смех,
И в пение птичих стай не слышно укоризны.

Здесь дождь не просто дождь
И снег не просто снег —
Ведь это дождь и снег
над берегом
Отчизны.

* * *

Вела за калитку...
У края отцовского поля:
«Сынок мой... — сказала,—
Какой же наказ тебе дать?
Ни разу не сбиться с дороги — завидная доля,
Но с этой долей
Ты можешь себя потерять.

Так пусть ты узнаешь
блужданий исскорбные муки,

Дойдешь — и вернешься,
Найдешь — и не станешь беречь,
Отпразднешь Встречу
в минуты смертельной разлуки,
Оплачешь Разлуку
в минуты безрадостных встреч.

По белому свету
Ищи свою долю упрямо...»

Он жил этой долей.
Любил. Расставался.
Плутал.
Домой возвратился.
«Сынок мой,— окликнула мама,—
Нашел?.. Потерял ты?..»

Заплакал —
И в ноги
Упал.

ГАРМОНИСТ

Слушай,
давай мы кручину прогопим,
сядем да выпьем вина.
Я поиграл бы тебе на гармони,
каб не война.

Пела в руках моих звонкая сила —
только отпела она...
Как по рукам по моим
голосила
денно и нощно жена!

Выжил я,
вынес войну эту лютую,
этот огонь и пургу...
Выжил —
да только бывают минуты:
живь не могу.

Ты не подумай!
Хоть выжил на мизере,

я не привык —
чтоб разжалобить —
кланяться.
Но не могу я,
когда в телевизоре
руки
и клавиши.

Память моя травенеет в окопе,
мины взрывая...
А на гармони я
каждую кнопку
помню.
Играю.

Видно, не справиться с этого мукой.
Миною — возле...
Дай мне, пожалуйста, руки... Похукаю¹.
Пальцы замерзли.

ДИКТАНТ

Мне — десять. Август. Желтые снопы.
Кручу-верчу соломорезку пылко.
Бранится дед:
— Вот тресну по затылку!..

Приходит дядька:
— Да, на две копны
поменьше нынче...

Дед бурчит:
— Сухмень...

Над током пыль кружится, как ворона.

— Газету раздобыл у почтальона.
— Стара, поди-ка?
— За вчерашний день.
— И что там?
— Нет особых новостей...

Такой спокойный, ровный дядькин голос.

— Вот пишут, Колас помер.
— Кто?
— Да Колас.

Ножки вдруг «вжиг» — и пальцы до костей.

Гвалт.
Тетки.
Слезы.
— К доктору!

Везут...
Стучат колеса по каменьям дола.

— Ах, господи! Всю руку размололо!
— Женилка есть, а пальцы заживут!

Бинты.
Суровый доктор.

На окне —
заместо штор на гвоздиках газета.
На ней лицо со школьного портрета.
И что-то обрывается во мне.

Потом во сне:
диктант. Грядет беда!
Учитель новый. Жиценькая прядка
дрожит на лбу.
— Так где твоя тетрадка?
— Забыл.
— Нарочно?
Отвечаю:
— Да.

Всплывает поле чистого листка.
— Лентяй?
— Лентяй.
— Ну что же... Как обычно.

Я знаю: напишу —
и на «отлично»!
Но не могу... Болит, болит рука!

¹ Хукаль — греть дыханием (белорус).

Гляжу в лицо учителя смелей.
Да, это он. Тот самый, на портрете!
Но как же так? Его ведь нет на свете!
Диктует он:
«Все лето нет дождей...
Сухмень...
Сухмень. И жита две копны
из-за жары мы недобрали дома».

«Мне десять. Август. Желтые снопы».
Учитель улыбается:
«Знакомо?»

— И что там?
— Нет особых новостей...
Как сладко знать, что было и что будет!
«А судьи кто?..»
Постой, какие судьи?

...Ножи вдруг «вжиг» — и пальцы до костей.
Проснулся.
Утро. Радио: «...Талант.
Скончался... Видный...»

Мамино дыханье.

— Учитель, ты прости за невниманье,
я снова перепутал весь диктант!..

— Температура!
— Доктора!

Везут...
Стучат колеса по каменям дола.
Костел.
Больница.
— Мне направо, в школу...
Диктант...
— Напишут.
— Жито жать...
— Сожнут.

Как белка, солнце скачет по сосне.
Бинты.
Суровый доктор. Марганцовка.

— Очухаешься — ждет тебя лупцовка!..

— Я сплю?
— Не спиши.
— Вы тоже не во сне?..
Диктуйте!
— Что?
— Что нет дождей. Сухмень...

— Пылает весь!
— И дышит так надсадно.

— Я напишу, учитель...
— Ладно, ладно...
— Я на пишу!
— Он бредит. Третий день.

Портрет ушел из класса.
На окне
в соломорезке
корчится газета.
Почтарь, как белка, скачет по сосне...
— Я напишу!
— Ах, он опять про это!

...Во сне,
в бреду шагнул через межу:
грибы в лесу,
сентябрь,
пылит кострица,
как не давали — дали мне напиться...

Я с почтарем на лавочке сижу
и вспоминаю, как он прыгал белкой.
Почтарь гогочет.
Славно почтарю,
что я живой, сижу с ним, говорю,
почтарь доволен нашей посиделкой.
Но кличет мать.
И я на зов спешу
под черной кроной тоноля-гиганта.
И помню все:
не написал диктанта...
И все таю надежду:
напишу.

ЛЕВКИ

Мне снятся сны о Беларуси.
Я. Купала

Дорога вела на Левки.
Стояли леса — велики.
Катилась река — велика.
Дорога текла в облака.

Там звездные стыли поля,
Простор, что не знает предела,
И в нем пролетела Земля —
И возле виска просвистела.

Вздымала дорогу гора,
И там, где она пропадала,
Над вечной водою Днепра
Стоял неподвижный Купала.

Катилась река в окоем,
Текла,
Как могла,
Как хотела.

Был страшен Купала —
На нем,
Еще довоенном, живом,
Рубаха огнем пламенела.

Вороился призрак беды,
Рождажь во чреве оврага...
Всего только шаг до воды!
...Не ступит он этого шага.

Он шкуру сдерет, кан лоскут,
И бросит судьбе как гостище.

Он вольно пройдет сквозь Москву
По стертым приступкам гостиниц.
Он будет на сходках:очных
Спасенных от пули и страха
Друзей обнимать,
Чтоб на них,
Как пламя, горели рубахи.

Он будет!

Звенел окоем,
За ним полыхали зарницы.

Все это случится потом.
Все это совсем не случится.

Лишь глянет война исподлобья
Глазами минутной вины,
Читая на камне надгробном
О Родине смутные сны...

ОБЪЯВЛЕНИЕ О НАЙМЕ КВАРТИРЫ

Губернский писарь Стефан Достоевский
(искусства каллиграфии ревнитель)
отчаянно хотел писать романы
и через них войти в литературу;

а у него арендовал усадьбу
отец Купалы — Доминик Луцевич;

так —

просто через лишнюю жилплощадь
причастный к славе сына Доминика,
в туманном прошлом не исчез бесследно
искусства каллиграфии поденщик
губернский писарь Стефан Достоевский.

ТРАКАЙ

Я помню, что песня была. Не помню — какая.
На западе тлели червонные башни Тракая.
Озера Тракая челны колыхали —

такая

Знакомая песня звучала...
Не помню — какая.

Был август вечерний, озябший у озера, росный.
И пахло травою и рыбью, мокрыми веслами.
Луна опускалась,
пространство меж башен заполня.

Я все декорации помню.

Ход действий —

не помню.

Так странно не помню, что это

не может забыться.

Как будто былое еще только думает сбыться —

И можно в нем что-то

сменить, переставить, подправить,

Как в пьесе,

Которую заново нужно поставить.

Минувшего память — как сталь листовая под прессом:

Пружинит, но гнется...

И вот переписана пьеса,

И тот, кто когда-то

был просто статистом в массовке,

Возжалдал героем стать

в новой ее постановке.

Но я не об этом...

А песня — о ратах о княжих.

О подвигах вроде. А может,

о подлостях вражьих.

Собьется погоня. И можно отряды пополнить.

История — то,

что невыгодно в точности помнить.

Что гонит отряд из Тракая,

до Кревского замка?

История с нами торгуется, словно цыганка.

Усталому Витовту — нет! —

не дождаться короны.

Законы истории — непрописные законы.

Я вновь не о том...

Обрывается думка, как тропка.

Минувшее с будущим

в сумраке сходятся робко.

Иду по канату. Две прорвы с боков,

две лавины.

Бирута и Кейстут!..

Споем и поплачем, литвины!

Споем и поплачем,

Разлив по посудинам брагу,

Споем, и поплачем, и выпьем до дна за отвагу,

За предков отвагу,

Еще — чтобы жили потомки,

Мы — мостик меж ними,

А дальше — за нами — потемки.

Нам имя — когорты.

Другого нам имени нету.

Чтоб нас не забыли, оставим потомкам заветы.

Оставим заветы —

хоть это, конечно, не ново,—

Чтоб вызрела нива, где сеяно слово,

А слово

Пусть ляжет на слово, как колос на колос

Ложится, чтоб выстоять бурю,

и голос на голос,

Уста на уста,

И руки пусть лягут на руки...

Нет, песню не помню.

Мелодия...

музыка...

звуки...

ПЕСЕНКА

За лесами за дремучими,

За чужою стороною

Есть река с водою мертвою

И река с водой живою.

Зачерпнул я из живой реки,

Нес домой я воду в пригоршнях,

Но лишь капля в них осталася,

Будто косточка от вишени.

Встал я в поле между двух могил,

От зимы стоял до осени,

Будто помнил, знал, да вот забыл,

Где живую каплю бросить мне.

А далёко все текла река,

У могил калина вызрела...

Пала капля, как слеза горька,

На горючем камне высохла.

* * *

Там, за Кревом,
где липы померкли,
где цветы заглушило травой,
дед с бабулею —
лицами к церкви
отдыхают в землище сырой.
Жизнь прошла —
отспелилась лампадой,
проплыла, как луна по воде.
Спит Иван с дорогой Лимпиадой...
Где их души?
Неведомо где.

В облаках ли?
В низинном тумане?
В лопухах у церковной стены?..
Как душа твоя, дед мой Иване?
Отыскала ли душу жены?
Не устала,
кружка у зенита?
Не натерла ли крыл в высоте?..
Добела моей бабкой отмытая,
сохнет тучка на рыжем кресте...

ДОЖИНКИ

Односельчане мои,
Одиоземляне мои...

Жатву свершив и косьбу,
В угол — и грабли и вилы.
Нынче земля уродила.
Гости проходят в избу.

Черен наш хлеб, как заварка...
Чтоб голодухам не каркать —
Донцем о стол постучим,
Вслед за дожиночной чаркой
Пустим по кругу цигарку
И помолчим...

Тесно в родительской хате,

Да теснота — не беда.
— Двигайся, дядька Игнатий!..
Тетка Данута, сюда!

Чарка,
На счастье как будто,
Звонко летит со стола...
— Спой-ка нам, что ли, Данута! —
И — повела, повела...

«Ой, отдали молодую
да на сторону чужую,
чужедальную сторону...
Ой, беду перебедую,
зимушку перезимую,
Ой, житье переживу...»

— Скучно выводите, бабы.
Где там гармошка?.. А ну! —
Бабы противятся слабо:
— Вновь мужики про войну...

Кружится поздняя цветень.
Боли гармонь не таит.
Песни...

Года...
Лихолетья...
Люди! Родные мои...

ПОКИНУТЫЙ БЕРЕГ

Зерна сгнивают в мокрой стерне -
Склонимся долу.
Не выпадает по сходной цене
Выкупить долю.

Берег свой кинул —
И берегом стал
Краешек неба.
Только в высотах,
куда прорастал,
Пусто и немо.

Звезды посыпятся.

Рухнет луна,
Небом отринута...
Воды качнутся — ударит волна
В берег покинутый.

ХОДОК

Владимиру Короткевичу

Баклага, посох, торба на плечах —
Для наших будней
облик маскарадный.
Идет ходок в поход свой многострадный,
Идет ходок,
он сам избрал свой шлях.

Из рощи — в бор,
С низины — на бугор
Идет ходок.
Бездельники, барыги
Кричат:
«Эй ты! Где крест твой?
Где вериги?»

Ходок идет,
Не видя их в упор.

Он выбрал шлях —
и не своротит вбок
От истины, известной всем от веку:
Почти что все,
что нужно человеку, —
Краюшка хлеба
да воды глоток.

Почти что все. Почти, почти, почти...
Но нет, не все, раз ком стоит у горла,
Не все, не все, когда в душе, как в горне,
Тоска такая — господи прости!

О ком? О чем?
Оглянется кругом —
Шепнут колосья на обмежке поля:
О том — что правда,
И о том — что воля,

О самом тайном, самом дорогом,

О всех, о всем —
До слез, до слез, до слез,
О самом кровном в бесконечном свете,
Что тихим ветром прошумит в привете
Веселых веток полоцких берез,
Что грозным ревом грянет в турий рог
У Турова — и отзовется в Креве...

Пусть кружит шлях,
Как кружат кольца в древе,
Пусть без конца он.
Но идет ходок.

Идет, и все...
Пускай горит ему
Нежный свет созвездий путеводных,
Чтоб мог спасти он сирых и голодных.
Кого? —
Ему известно одному.

Идет ходок...
Бушует круговерт
И жизнь его
легко на круги нижет:
Он знает слишком много, чтобы выжить,
Он знает мало,
чтобы умереть.

РЕЙСОВЫЙ АВТОБУС

Пожни —
будто лавы медные.
Пыль врывается в отверстия.
Старый шлях...
Шофер
последние
молча слушает известия.
Что и как на нашем глобусе?
От кого идет угроза?

Пахнет булками в автобусе
МИНСК — БЕРЕЗА.

Завывает кошкой дикой
наш автобус у взлобка.

Равнодушный голос диктора.
Три бабули. Два дедка.

Жизнь, считай, почти отмерена
Что им горькая печаль
и Ливана, и Америки!..
— Не скажи...

Народа жаль.

И глядят очами синими —
доброта сквозит из глаз.

Умирал бессчетно с ними я,
воскресал бессчетно раз!

Я за вас,
мои безбожники,
хоть на крест, хоть на костер...

— Веселой гляди, заложники,
шутит вроде бы шофер.

Мы заложники отважного!..
И покуда свет не сгас,
мы — за каждого, за каждого,
кроме тех, кто против нас.

Наши души
не железные,
но до страшного суда
мы заложники.
полезные
тем, кого печет беда.

Как березы белокорые,
души светятся у нас...
Мы с шофером «беломорины»
молча курим через раз.

Он кивает мне иа радио
и вздыхает:
— Вот народ...

День какой! Живи и радуйся...
Нет же, в рот им пароход.
Пули свищут. Бомбы ухают.
Что же, все там дураки?

А бабули память слушают,
память слушают дедки.
Диктору в ответ кивают
и впадают в забытье,
прижимая каравай
как надежду на житье.

ВАРШАВА, ОСЕНЬ-82

Варшава. Осень.
Полночь. Патрули.
Шаги солдат грузны и неторопки...

Мы тихо нашу встречу провели —
шампанское не выбивало пробки
в квартире той, куда мы забрели.
Искомое не выводя за скобки,
мы пили чай, мы разговор вели.

Хозяин наш — философ и гусар —
лицом пятнистый, словно ягуар
(лицо металл немецкий искалечил),
все комкал плед, накинутый на плечи,
и зябко руки грел о самовар.

— Что ж,— он сказал,—
сейчас не лучший час,
подобный час
приходит всякий раз,
как подменяют люди напоказ
неправдой — правду, видимостью — славу...
И тем не мене, рад увидеть вас —
лишь для любви господь создал Варшаву.

Он чашку с чаем поднимал:
— Виват!
За вас, Христина! И за вас, собрат!
Пьем за любовь! Все остальное — чушь...
Есть солидарность человечьих душ

да (плюс!) сердец влюбленных майский сад.

Виват!

Бог для любви Варшаву сотворил!..

Про это только он и говорил.

Я жаждал разговор переиначить:

— Вы воевали...

— Это мало значит!

По мне моя Варшава не заплачет —
я ей любви — увы! — не подарил.

Я бился за нее на всех фронтах.

Когда ж вернулся в славе и слезах,
меня моя Варшава не признала...

Она среди пожарища стояла,
и роза пунцевала в волосах.

Я говорю красиво?.. Может быть.

Я поздно стал красиво говорить —
после того, когда отхаркал порох.

Но ненависть в моих чернела норах,
а с ней в Варшаве невозможно жить.

— Везде живут,— сказал я невпопад
(была мне эта пропись в аккурат),
а наш хозяин — отставной солдат —
не принимал искомого другого,
и мне в ответ он посмотрел сурово,
вновь чай налил и чашку взял:
— Виват!

Лишь для любви создал Варшаву бог...

В конце концов меня он превозмог,
он смог быть — удивительное право! —
бесчестья ниже и превыше славы...

И я не смел переступить порог
его неосязаемой Варшавы.

Он проводил нас,
как чужой — чужих,
и мы пошли вдоль улочек пустых,
где колким ветром ухало под дых,
где на витринах билась паутина,
где имя твое хранило —

Христина,
звучало, как невыплаканный стих.

И в ту же ночь, как тронулся вагон,
в стекле оконном отразился он,
из тьмы кромешной выплыvший двойник,
и к моему лицу, как он, приник.

Срыважь
с гулким грохотом
с моста,
за ним летели плач и пустота,
подруги жизни — ложь и правота —
и я не мог от них отгородиться!..

Но вот в купе влетела проводница
и занавеской скрыла лик Христа.

АРМЕНИЯ

Библейских гор суровый рост.
Пожар зарниц...

Над всей Арменией
Всемирное убийство звезд.
А звезд — не менее.

Закон хранит тебя, материя.
А света кровь
течет
лавиною,
Как перерезали артерии
Над Ааратскою долиною.

Все небо в копьях и в мечах —
На нем
Огнем записан
Эпос.
Дух древних предков не заcha:
Под патиною
на щитах
Арос и Эрос.

Не истребляется любовь...
Вулканами земля клокочет.

Не убывает слов
От слов,
Сгорающих в горниле ночи.

Как доказательство их силы
Из галактических туманов
Глядят на люльки и могилы
Густые очи Туманяна...

МОЛИТВА

Ночь битвой валилась на лезвия гор,
Последние звезды стржая за горы.
А солнце вставало, как будто собор.
Звонили в соборе.

А в Чети в мечети молился абрек,
На шее — кинжалная мета.
«Аллах! Магомет пе вернулся к горе
Гора прокляла Магомета.

Аллах!
Я седой уж...
Я скоро умру.
Прошу на пороге бессмертного царства:
Аллах, покарай за бунтарство гору,
Аллах!

Магомета прости за бунтарство...»

Он эту молитву творил до поры,
Пока облака не накрыли полсвета.

Ударила молния
Лавина
Расплющила
Дом Магомета...
в гребень горы —

ЮЖНЫЙ СЕВЕР

...Прятаться в осторожности,
в лености сытой.
О, запрещенной скорости

смак позабытый!

Зачем,
будто только с сейнера
рыбка под маринадом,
ты приплываешь с Севера
и проплываешь рядом?

Под эту закуску
стопку
курортный гастритик серый
легко
опрокинул в глотку.
Я спекся...
Расстанемся, Север!

Играл твои белые гаммы,
писал твои акварели.
Но —
будто бы под ногами
торфяники загорелись!

Но —
месяц хрупкой ледышкой
сверкнул меж бархатных тучек —
это пробрался неслышно
твой, Север, лазутчик.

Меж нами столько простора —
хватает на всю державу!
Зачем же в Черное море
ты сеешь свою отраву?

Зачем
твои снежные звери
ворочаются на пляже?
Какие мои потери
еще тебе надо?
Скажешь?

Какие мои ухватки
тебе безвозвратно любы?..
Твоих поцелуев в сладких
не забывают губы.

Расстанемся, Север!
Полно!
Тоска обжигает душу.
Что нужно мне помнить —
И помню.
Не веришь?
Слушай:

...На спидометре стрелку сглазили,
когда с полной колодой тузов
я: летел: па расхристанном «газике»,
не касажь его тормозов...

СКОМОРОШЬЯ БАЛЛАДА

Гул
над Волгой катится,
громыхает медью...
В селе Лопатицы
пляшут
медведи!
Ух,
как пляшут!
Так, что
с морд
градом
хля медвежья.
Плжке
дивится народ,
а медведей между,
больше в дырах, чем в портках,
прыгучи, как блохи,
на
го-
ло-
вах
ходят
скоморохи.
Жизнь така — что смерть легка.
Тощего,
грешного
весели мужика,
мужички потешные!
Без умолку
бубны бьют!

Пропади ты,
Страшный суд!
Э-ха,
по-
те-
xa!..

А меж смердами,
усердными
работать — не роптать,
на разостланных коврах,
золотой весь —
глянуть страх! —

поигрывает плетью
боярин Шереметьев.
Повелел он отдохнуть —
он неблизкий держит путь:
воеводой царским
во Казань татарскую.

А народ
все
прет,
развеает рты народ:
то не каждый день ведь,
чтобы сразу для народа
скоморохи!
И медведи!
И боярин-
воевода!

Вдруг
из церкви,
что на взгорке
отражала крест в реке,—
бородатым
черным

чертом —
поп
с рогатиной в руке.
Скомороший кураж
веру
подрывает!!!
А народ

в восторге
аж

завывает!

Тычет в бок кума кум,
ахи,
охи...
Аввакум!

Аввакум!

Ну, держись,
скоморохи!
Налетел, удалой,
на медведя —
и одесной
хвать но морде —
с лап долой.

Выбил

беса.

Никого во имя бога
не щадил...

Крошил!

Ломал!

— Эй, держи попа шальных! —

Шереметьев хохотал.

— Прыток,
ловок,
окаянный...

Приказал к себе вести
и —

по лбу его чеканом
чуть не до смерти!
«Вот тебе, строптивый поп,
не мешал потехе чтоб».

Рухнул поп, лицом багрянжь,
крикнул,

длань подняв с крестом:

— Псы!..
Над кем вы надругались?!
Над Христом!
Перед небом грех содеяв,
веселитесь?..

Блудодеи!

Но страшитесь:
у Христа
шелеупуга-то
востра!..

Замер люд. А Шереметьев ухмыляется:

«Ответим поп за всё... Давай вставай!

Впредь потехе не мешай.
Для тебя она грешна,
для меня она смешна.
Рожу вытри! Вся в крови...
Сына мне благослови.

Ну!»

Поднялся Аввакум:
«Ты чеканом выбил ум —
мне или себе, боярин?..
У меня благословляться

блудоносу?

Бритобрадцу?..

Не бывать вовек тому!»

Аввакума за корму
на верёвке привязали,
раскачали
и —
бульых

в Волгу.

Только не затих
поп строптивый.

Под баграми
глухо ухала вода,
поп тонул, врацал: глазами:
«Никогда!

Никогда!..»

«Ладно,— молвил Шереметьев,—
чертов поп, живи...»

Но впредь
сам запомни —
скажешь детям:

так смотреть
на все на свете,
как боярин Шереметьев
повелит тебе смотреть.

Понял?»

«Дудки!» —
поп подумал.

И хотел сказать — не смог.

Лишь тяжелой кровью сплюнул
у бояриновых ног.

БАЛЛАДА ГРУЗОВИКА

По осенней стылой хляби -
без дороги, напрямик —
от ухаба до ухаба
полз колхозный грузовик.

К юбилейной: местной дате
нас, артистов-школьяров,
вез на праздник
председатель
по фамилии Шаров.

Не за нами ехал в дали...
Знаменитостей хотел...
Знаменитостей
не дали.

Ранг не тот колхоз имел.

Председатель был в обиде...
Словно ярому врагу,
он кричал шоферу:
— Видел?!

Ранг не тот!
Но по рангу!
Врешь! — твою такую в душу —
Ишь, дорвался до рангов!..

А шофер:
— Шаров, послушай:
дети все же...

Слыши, Шаров.

В чем ребята виноваты?..
Вот сболтнут потом со зла,
что начальство кроешь матом —
и табак твои дела.

— Застращал!.. Меня страшают
знаешь как?! Не знаешь как...
А ребята пусть смеются,
привыкают, так-растак.

Разве в них моя обида?..
Та обида — шут бы с ней —
для подначки лишь, для вида,
есть обиды посильней.

Нахлебался их — от пузга.
Не один на шкуре шрам.
Тормозни... Давай-ка в кузов
перепрыгну к школьярам.

Прыгнул. Ахнул вдруг от боли.
— Ничего, орлы... Живем.
Что притихли? Спеть вам, что ли?..
Подпоете?..

— Подпоеем.

— Где гармошка? Дай гармошку!..
Да не бойся, сберегу...
Вот беда...
Забыл немножко...
Ну да ладно, как смогу.

Заиграл... Фальшиво, плохо.
Попросту ни в склад ни в лад.
По мехам гармонь похлопал...

Рассыпая самосад,
закурил — и вдруг:
— Ребята!
Вам, конечно, что!..
Смешно!..
Хорошо ж играл когда-то,
ну ей-богу,
хорошо!..

Разучился, елки-палки!
Позабыл! А ведь умел...
Эх, не вышла песня... Жалко.
С сорок первого
не пел.

В чем-то сам я виноватый,
в чем-то чертова война...
Только жизнь идет, ребята,—
и не кончится она.
Я ношу свои медали
не затем, чтоб в зал сиять,
не как знак, что воевали,
а что можем
воевать!..

И внутри его гудело,
и свистело что-то в нем...
— Вот, орлы, какое дело.
Как-нибудь потом
споем.
Только что вы?

Испугались:
экий батя матерной!..
Мы и впрямь его боялись,
нам казалось: он не свой,
этот «батя». Не советский.
Может,
даже
он
шпион!..

И смотрел оркестрик детский,
как стоял
и плакал он.

Но шпионы разве плачут?
Разве ходят в орденах?..
Что же
все же
это значит?!

И, осилив детский страх,
я схватил свою гармошку,
хромку новую мою,
я умею не немножко,
слушай, батя, как пою!..

И хотя я пел не очень,
но басил и голосил,
но орал что было мочи,
изо всех ребячих сил!

А когда умолк я — батя
тихо вымолвил:
— Сте-ер-вец...
Ну, хвалю же... Лихо сбацал.
Сильно можешь.
Молодец.

...По размоинам, ухабам —
надрыважь, тяжело —

грузовик трехтонный хлябал,
вез артистов на село...

В детство горько возвращаться,
если в детстве
детства нет...
Но я помню: состояться
должен вечером концерт,
и гармошку на минуту
из футляра достаю,
хоть играть я почему-то
разучился. Так пою...

ПЫЛЬ ДОРОГ

То ли это песок золотой,
то ли сор —
пыль дорог, покрутивших на свете?..
Суета!

Избавляюсь.
А ветер
лег, как пес, у калитки в дозор.

Как тайник,
где случился разор,
дни пусты-препусты...
На рассвете
небо звезды крадет,
словно вор.

ЯБЛОКИ

Ничем не сумею помочь —
Зачем оглянулся назад?..
Молчит домотканая ночь.
Дрожит перепуганный сад.

Скользит под рубашкою страх —
Настывший, дремотный, глухой.
Взрываются яблоки — баах! —
Срываем в лопушник сухой.

Луна закатилась за сад,

Но светом до зерен полны,
Упруго па ветках висят
Янтарные братья луны.

Соблазн —
мирозданье тряхнуть,
На дух испытать и на смак.
Да страшно, что могут учуять...
Учу ли!
Спускают собак.

К забору, мокры от росы,
Рванулись ватагой — бежать!
А звездные Гончие Псы
Не думают даже брехать.

Уйти бы от черных собак!
Душа воет в пятках — спаси!
И этак петляем, и так,
И всюду: «Куси их! Куси!»

Бжит от сторожки мужик,
Стреляет во тьму наугад
На шорох,
на страх мой,
на вскрик!.. —
Зачем оглянулся назад?

Зачем и кого я спасал?
Ведь тот, кто стрелял в эту ночь,
Промазал...

А если попал —
Ничем
не сумею
помочь.

ШЕСТОЙ ГОД

Вечер. Хороним собаку.
Лошадь цыгане свели.
Сыростью тянет и мраком
Из закоулков земли.

Стонет в лесу пилорама.

Вороны в поле кричат.

Снится: приехала мама...
Мелкую
вырыли яму!
Лапы собачьи торчат!

* * *

Руины замка.
Дикая земля —
Вся в зарослях шиповника, крапивы.
А со стены взирает горделиво —
Скуласта, по-нездешнему красива —
Наложница вояки-короля.

Была она наложницей иль нет,
Но, покоренный красотой степною,
Велел король
считать ее святою —
И итальянцам заказал портрет.

Был тот король капризен, как дитя,
Не знал границ ни в щедрости, ни в злости.
...Истлели в прах сиятельские кости,
Лишь капли на шиповнике блестят.

О короле забыли в тех краях,
Где то и дело воевал он царства
Своих соседей,
Где огнем, коварством
Он в собственных владеньях сеял страх,—
И проклят был!..
Но под святым венцом
Осталась та,
Чьи очи, словно жала.
И светится, пылающее жаром,
Тоской былых страстей, былых пожаров,
Прекрасное
и хищное лицо.

ПРОЩАЖЬ С АРКАДИЕМ КУЛЕШОВЫМ

...Над ним, склонившись, вечность дышит.

Под ним

земля... Деревья, крыши...

Летит он в бездне мировой —

И сам себя уже не слышит,

Как самолет сверхзвуковой.

ДОМ БАЙ

Так близко до неба —

хоть звезды в папаху сгребай.

Вознесшийся вверх

по тропинке обрывистой, скользкой,

«Домбай!» — я вскричал.

И откликнулось эхо: «Дом-ба-а-й...»

И тенью прошел по вершинам

Микола Гусовский.

— Куда вы? — спросил я.

И он мне ответил:

— Туда.

Прошли альпинисты —

Элитные дети прогресса.

— Со мной ты иль с ними?.. Решай.

Коль со мной, то айда,

Пока не погасли

гортанные песни черкесов.

Мы двинулись рядом

На пламя далеких костров.

Как страшно с бессмертным

Шагать по тропинке спиральной!

— Скажи мне:

Охотятся нынче у вас на зубров?

Я лживо кивнул.

Он в ответ улыбнулся печально.

Чабан, у костра нас приветствуя,

Подал айран:

— Питье без отравы...

Напиток, не годный для Рима.

— О чем ты, чабан?

— Я о жизни,

О людях, алан²,

Что жить и любить

Не умеют без масок, без грима.

Мы долго молчали.

На севере месяц нотух.

Ступали планеты

торжественным маршем парада.

Ни кто мы,

Ни что мы, не спрашивал старый пастух.

Я встал, чтоб идти.

А Гусовский промолвил:

— Неправда.

Неправда! Без грима

Наш пот, и мозоли, и хлеб.

Не спорил чабан:

— Я вот байку одну вам разбаю.

Жил бай па Домбае.

Наладил он рай на земле —

С вином и гульбою —

как рай этот виделся баю.

Он спаивал зельем: своих ненадежных служак,

Наймиты везли их, уснувших,

к вершинам Домбая,

А там им внушали:

«Вы в рай вознеслись не за так —

За верную службу,

За труд ежедневный на бая».

Три дня им дарили на райские игры,

Потом

Вновь зельем поили

и к баю везли среди ночи.

«Джигиты мои!

Пошатнулся от горя мой дом,

Когда вас не стало!

И слезы сожгли мои очи!

Я небо молил — и сказал мне аллах:

² Алан — друг, приятель (карачаевск.).

«Забирай
Батыров своих...»
Вас молитвы мои оживили!
Служите мне честно —
и каждый воротится в рай.
Служите мне верно!»
И верно
батыры
служили.

— Знакомая байка...
Но я не служил королю —
Великому княжеству,
Родине, без укоризны.
Что смог, то совершил.
И, быть может, еще пособлю:
Есть новая песня в зчине во славу Отчизны.

Одно угадал ты: я ведал великий обман.
Но правды не предал,
Собрав свою правду по горсти!..
— Да кто вы такие? —
Спросил наконец-то чабан.
Смолчал я.
Гусовский сказал:
— Чужеземные гости.

Спасибо, чабан, за приют, за айран, за огонь.
Пора мне!
В дубравы,
на лозы,
к привычным свободам...

И свистнул негромко.
И встал, будто вкопанный, конь.
И призраком сник чужеземец
из Гусова родом.

— Вот это джигит!
Ну а лошадь — не каждому сесть!
Последние искры в костре чабана пировали.
— Скажи, чужеземец,
поэты в краях ваших есть?
— Бывали, — сказал я.—
И зубров в лесах убивали.
Прощайте...

— Бывай. Если что-то не так, извиняй...

К рассвету доспели
Светил золотые орехи.
Я сгреб их в папаху,
Взвывая в пространство: «Дом-ба-а-й!..»
И долго катилось,
и топало,
цокало,
шорхало эхо...

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Пусть буйствует жизнь! Эта ноша по мне.
По мне эта доля, где властвует ветер.
Я знаю, что скоро займется в окне
Последнее утро, последний мой вечер.

Ну что же — и эта поклажа по мне.
Я долю — на волю спокойно сменяю.
И только качнусь, словно тень на стене,
Помедлю мгновение и вновь зашагаю...

* * *

Что за грустные песни
ты пела мне, Белая Русь!
По обмежкам ржаным
vasильками они прорастают.

«Ой ляцеў белы гусь...»
А куда он летел, белый гусь,
Если в небе твоем
только серые гуси летают?

Вновь напев одинокий
крылом
мою душу задел,—
Мне его не продолжить...
Умолкли старинные гусли!
Так утешиться б тем,
что не только хотел,
что успел

Пролететь лад тобой,
промелькнуть над тобой белым гусем...

СПРАВКА О РОЖДЕНИИ

Судебное дело

1

Год послевоенный.
Год работы.
Из руин не выветрился дым.
А на танцах, скользкие от пота,
кирзачи и хромовые боты
режут польку шагом строевым.

Год послевоенный.
Год гордыни.
Списки зла еще не сведены.
И молчат колокола Хатыни,
и к погибшим в Праге и в Берлине
письма сквозь железные пустыни
все ползут на тот конец войны.

Год послевоенный.
Год печали.
Карточки...
По ним и хлеб и соль.
И людей — хоть жив товарищ Сталин,
хоть перемогли и отстояли —
все никак не отпускает боль.

Эта боль — под рельсами взрывчатка...

2

Косовица.
Старенькая жатка
тянется сквозь жухлую траву.
Председатель хыкнул на печатку,
шлепнул по бумажке — и живу.

Первый сорт.
Послевоенной пробы.
Так природа порешила,
чтобы
стал я сыном выжженной земли.

Так невероятный случай выпал:
батьку снайпер выбивал — не выбил,
маму в ров вели — не довели.

Вот моя неконченая повесть,
крови с долей яростная помесь,
что сквозь марлю лет не проходить.
Памятью своей я не свободный —
Родила
войною военародной
выясняла: быть мне иль не быть!
А душа моя искала тела.

3

Быть хотела!
И дышать хотела!
Не в ромашке с вывернутой шеей,
не в кузнечике, стрекочущем в траншею,
быть хотела и дышать
во мне.
Новенький, блескучий, лучшей пробы,
посредине голода и злобы
выжил я наперекор войне.
На границе запада с востоком
я лежу, сверкая тощим боком,
знать не зная про свое житье,
кровный сын
Некляева Прокопа,
Стаси Магер
малое дитё.

4

Тroe нас.
Все живы, не убиты...

5

Пахнет медом. Доспевает жито.
Час серьезных дел... Не до крестин!

Председатель с чаркой недопитой
говорит за всех гостей один.

Председатель — человек с основой.
Старшина.
Герой.

Гвардеец.

Франт.

Козырял он незнакомым словом
«ф а к т».

Кобурой поскрипывая новой,
звонкими медалями сверкал...
Председатель говорил толково.
Вот что на крестинах он сказал:

Факт, что власть Советов победила.
Факт, что у врагов уже инфаркт.

Факт, что жито ныче уродило.
И что я родился — тоже факт.

Факт еще, что банда полицаев
недобита в Сутьковской норе...

«Ну, про полицаев — обещаю»,—
щелкнул старшина по кобуре.

Той порою щелкали завзято...

6

Ночью брали Кобенка Игната,
первого бандита на район.

Взяли.

Повязали.

Показали.

— Он? — спросили.

— Этот, — отвечали.

А седой Стапуль сказал:

— Не он.

7

Трех красуль — невесток Стапулевых —
на сухах весенних тополевых
вздернул Кобенок.
Веселый был.

Первую — за кровь ее чужую,
что скрывала первую — вторую,
третью... —

так,
бог троицу любил.

С ними рядом на сухах кленовых
трех сынов — кровинок Стапулевых
Кобенкова банда подняла:
первого — за кражу часового,
что не выдал первого — второго,
третьего...
чтоб троица была.

Шесть ночей и дней качал их ветер...

8

Грянул в мае, обнажая ветви,
с тополей и кленов листопад!
Страшные деревья незнакомо
день и ночь у Стапулея дома
шепчутся, колышутся, шумят.

9

А Стапуль свое:
— Не он. Ошибка.

10

Вечер.
Сад.
Под яблонею — зыбка.
К осени подвинулась земля.
Падают сомлевшие ранеты.
Колготит толпа у сельсовета.
Суд сегодня.
Судят Стапуля.

Суд — о френчах.
Крестный — в безрукавке.
Он суду показывает справку
с дырочкой от пули в уголке.

Холодно глядит в простор охрана.
И слова — казенно, деревянно —
по рядам плывут, как по реке.

КРЕСТНЫЙ

(*то запнется, то събьется*³)

— По законам новым, как ведется,
я понес малого в сельсовет.

ГОЛОС

— Мог и без ребенка...

КРЕСТНЫЙ

— Так не ведал.

Думал, как крестить...

СУД

— Один?

КРЕСТНЫЙ

— С соседом.

СУД

— Стась Стапуль свойк вам?

КРЕСТНЫЙ

— Да, сосед.

СУД

— Так сосед пли свойк?

ГОЛОС

— Соседи!

КРЕСТНЫЙ

— Ждем.

Сказали: «Председатель едет».

Кабы знал, так сразу б за порог...

Ну, сидим...

За словом слово доим...

СУД

— Что?

КРЕСТНЫЙ

— Гутарим...

Входят, значит, двое:

Старшина и этот... Кобенок.

СУД

— Без конвоя?

КРЕСТНЫЙ

— Тот потом заскочит...

Председатель черный — даже очи
угольками цвиркают па свет:

«Узнаешь, подлагу?»

Ты же местный!»

Я ему: «Так человек известный».

А Стапуль как есть уперся:

«Нет».

Председатель в крик — и на старого:

«Покажи мне Кобенка другого!

А-а, врага жалеешь, мать твою!»

— Вежливей.... Здесь женщины и дети.

СТАПУЛЬ

— Признаю все сущее на свете.

Лишь в зверье людей не признаю.

КРЕСТНЫЙ

— Вот. Сказал он так — и я поверил.

СУД

— Где Стапуль топор взял?

КРЕСТНЫЙ

— Возле двери...

Там дрова лежали у дверей.

ГОЛОС

— Сам принес! Дрова-а...

Сейчас не выюга.

КРЕСТНЫЙ

— Кобенок — здоровая зверюга...

СТАПУЛЬ

— Как без топора среди зверей?!

СУД

— Так. И что ж?

КРЕСТНЫЙ

— Он кинулся на Гната.

СУД

— Кто?

КРЕСТНЫЙ

— Стапуль.

СУД

— А вы?

КРЕСТНЫЙ

— Я виноватый.

За руку схватил: «Постой, сосед!»

Председатель... цап... до пистолета,
Кобенок, что кошка,— прыг... и ото,

Сноровился... выбил пистолет.

Тут, на грех, дитя заголосило.

Кобенок, нечистая он сила,

целится в него:

«Щенок — в залог».

³ Пометка секретаря суда.

Я ему: «Игнат, побойся бога!..»
Председатель заслонил малого.

Гнат — стрелять.
Ему и бог — не бог.
И тогда Стапуль его с размаху...
Тут уж набежали...

Я со страху
выскочил с мальчишкой — чуть стою...
СТАПУЛЬ

— Я за смерть старшинскую в ответе.
Признаю все сущее на свете.
Лишь в зверье людей не признаю.

ГОЛОС

— Ну а справка?

КРЕСТНЫЙ

— Справка честь по чести:
Подпись... и печатка... все на месте...
С ним была... А пуля в уголок
Угодила...

12

Справку не вернули.
Подшивали — дырочку проткнули,
круглую,
такую ж, как от пули,
там как раз, где значится предлог.

13

Вновь шумят деревья незнакомо
злой бедой у Стапуева дома.
Прошлое опасно ворошить.
Год послевоенный,
жизнь сурова.
Шепчет мама Стапуево слово.
Я еще не смею говорить.
Я пока не знаю, что судьбою —
кровной связью —
связан со страною,
дивной шириной и вышины,
и что всем на свете ей обязан,
и, как сноп на поле,
перевязан
перевяслом жизни старшины.

14

...Я однажды встану среди ночи —
горькой, перекрученной, сорочьей —
и совсем спокойно гляну в очи
правде
и неправде Стапуля.
А пока живу, как в смертной схватке:
Кобенок сквозь дырочку на справке
целился
и целится
в меня.

Инициалы ревности

* * *

В доме напротив женщина мыла окно.
Влажное солнце в розовых стеклах дымилось.
Он подошел.

И она к нему вдруг прислонилась...
В доме напротив
женщина мыла окно.

Больше в тот день
у меня ничего по случилось.

* * *

Я нырнул под каменные глыбы
И поплыл, расталкивая тьму.

— Нет,—
сказали медленные рыбы,—
В нашем царстве люди ни к чему.

В небеса, где воздух серебрится,
Я взлетел из темной глубины.
— Ты не наш! —

мне закричали птицы.—
В царстве неба рыбы не нужны.

Я покинул небеса и море,
Постучался в желтое окно.
— Где ты был? —
спросили из-за шторы.—
Твое место занято давно.

И шаги чужие проворчали:
— Что за гость к нам.. вздумал постучать?..
— Странный кто-то,—
от окна сказали.—
Рыба или птица, не понять.

* * *

Ты облаком плыла...
Руками не достать...
Ты облаком плыла,

Покачиваясь плавно.
От слов моих плыла,
Что я сказал недавно,
К словам моим плыла,
Что завтра мог сказать.
Ты облаком плыла...

В тисненой книге дней —
И тех, что впереди,
И тех, что миновали,
Мы странную с тобой
Страницу отыскали:
«День вашей тишины» —
Написано на ней...

* * *

Затихло.
На земную стынь
Спустились тучи снежевые.
Кто мы с тобою?..
Как ни кинь —
Две линии береговые.

Пока река во льдах, в снегах,
Они
в одну как будто слиты...
Зачем же (для самозащиты?)
Сверкают
Лезвия
В глазах?
Ветра и выюги день-деньской
Над речкой, скованной морозом!..

Затихло —
И слышна угроза
Непрочной близости людской.

Я понял, путь проделав свой
Во все открытости щенячей:
Добро — обнять рукой слепой,
Беда — карать рукою зрячей!

И я баюкаю в ночи

Твои ладони дорогие,
Чтоб хоть на миг (молчи... молчи...)
Полоска лезвия (молчи...)
Упала мостиком (молчи...)
На линии береговые.

ПЕРЕД ТОБОЙ

...С судьбою бился на ножах,
Пока меня ты не любила.
Ты мне открыла смерти страх...
Нет,
Жизни страх ты мне открыла.

Нашла твоя душа мою
На перепутях тьмы и света.
Я не прошу любить за это —
О милосердии
Молю.

ЧУЖАЯ СТАНЦИЯ

Эта станция чужая,
этот город мне чужой.
Кто ж зовет меня, страдая:
«Милый мой! Любимый мой!..»
Переулками влекомый,
над полночной тишиной
голос мечется — знакомый,
да почти забытый мной,
«Милый!..»
В памяти провалы
обрываются скользя.
Все

далекие вокзалы,
все
случайные друзья.
Так откуда же он, тайный
и почти забытый мной,
над моей судьбой случайной
голос
станции чужой?
«Милый мой!..»

Вот-вот сорвется,
смолкнет, горем оглуша.
И ему не отзовется
ни одна вокруг душа.
Ни одна из миллионов
человечьих, близких душ!..

И, растерянный, смятенный,
оборвался голос...
Рушь!
Разоряй мой быт усобный,
голос,
вставший за спиной
неизбывною, озноной,
непонятною виной.

СТАНЦИЯ СПАСЕНИЯ

1
Осенним утром воскресенья
боры над Неманом молчат.
Матросы Станции Спасения
вповаlkу спят.

Матросы спят раздельно, весело!
В родной стране, в своем kraю
матросы: спят, как ходят с песнями
в строю.

Матросы спят.
Им сны не снятся.
Здесь неуютно даже снам.
И если есть нужда спасаться,
спасайся сам.

2
Историй
острых и солененьких
случалось на пути
немало...

Тонул,
хватался за соломинку —
держала.

...Бездомный дождь под крышу ломится.
Матросы спят. И чайка плачет.
И крутит в омуте соломинку
моей удачи.

3
Как руки наши перекрещены!
Сошлись замками.
Ласкаешь — то руками же н щ и н ы ,
то плавниками.

От всех и От всего свободные,
сквозь волны,
косо
плывем мы,
сну реки подобные,
К огню матросов.

Нас волны вынесут старательно,
как рыб,
на берег...
На спящей станции спасательной
не скрипнут двери.

* * *

Все на грани развала.
Вот и сердце в груди разорвалось.
Как товарищей мало!
А любимых совсем не осталось.

Позову, прокричу —
Лишь подушку забрызгаю кровью.
...Зажигают свечу
И несут —
вдоль судьбы —
к изголовью.

Кто же зверствует в нас,
Пока живы мы, милая!..

«Милый!
Ты прости мне сейчас
То, что сможешь простить у могилы».

СЛУЧАЙНАЯ

Ни встречи, ни разлуки, ни долги —
Она ничем не связана со мною.
По улице, усыпанной листвою,
Звучат её шаги.

Не знаю я, куда она идет,
Куда над ней плывут шары цветные...
За красным домом будет поворот,—
Направо ли, налево ли свернет?..
Не все ль равно, коль мы совсем чужие!..
Коль этот час,
И этот день,
И год
Ей забывать не надо, я — забуду...

Но все же пусть налево повернет,
Где мигом дольше видеть ее буду.

ВДРУГ

Рассветный бор тенисто тих,
Круглы его углы...
Как ты похожа на других
В округе полумглы.

И вдруг: сверканье птиц вокруг,
День резок и погож,
И никого па свете вдруг,
Кто на тебя похож!

От невеселых дум
падал, где довелось.
Сыпал в подушке шум:
ветер твоих волос.
То он траву качал,
то в проводах свистел...
Сыпал, как гром молчал.
Будто бы камень пел.

РАЗРЫВ

Поднял кулаки над столом —
и грохнул: об стол кулаками:
«На скос, на распил, на разлом,
к чертам все, что было меж нами!»

И хлопнула дверь в тишине...
Он плакал
и кряду три ночи
два озера видел во сне:
сыновни сиротские очи.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

«Купи мне самую большую книгу,
и дождь,
и лодку,
маленькую обезьянку,
качели
и эту кричалку,
В которую кричит дядя милиционер...»

Я купил мороженое,
и этого ей хватило.

Живу в сплошной неразберихе,
Хоть жизнь, как должно ей, идет.
Цветет за окнами гречиха.
Петух под окнами поет.

По омутам таскаю бредни.
Червей казню стальным крючком.
А вечерами в дом соседний
Хожу и балуюсь чайком.

В том доме чисто, как в аптеке.
Там кактусы. Сибирский кот.
Там Тома, завбилиотекой,
Святой отшельницей живет.

Мне честь оказана большая:
Без церемоний быть в гостях.
И мы сидим с ней, рассуждая,
О пастернаковских стихах.

А у нее
До локтя
Локон,
И ямку локтя прячет прядь.
И на стихи
С горы высокой
Мне наплевать.

Но вот — и в том не разбериха —
Хоть бродит кровь темна, глуха,
Мне только хорошо и тихо
Во мгле библейского греха.

Встаю. Не торопясь прощаюсь
В прихожей, где потушен свет...
И кот сибирский, издеваясь,
Лениво фыркает в след.

НА ЗАРАБОТКАХ

Нарисуем дом, чего там,
Нарисуем — заживем.
Р-развеселая работа
строить дом!
С крепкой плотницкой замашкой
да умением в руках,
в синей шелковой рубашке
в петухах.
Бьет по голени щепа
хлестко и упруго,
как меня по щекам
бригадирова супруга.
Била, словно врага...
А потом по росам
уводила в стога
первосенокоса.
Как смотрела светло
и встревоженно —
бригадиру знать про то

не положено.
Он идет, крутит ус:
— Жми, артель,
работай!...—
Вытираю пот, смеюсь,
бригадир, мол,
не волнуйсь —
нарисуем дом, чего там.

ШАПКА-НЕВИДИМКА

Невидимку блатную надену,
Стану тени своей позади,
Потому что предвижу измену
Той змеи, что пригрел на груди.
И когда сладострастия возглас,
Изменяя, исторгнет змея,
Поколеблется в комнате воздух,
Упадет невидимка с меня!..

...Так и было. Змея изменила.
Встал над нею я — страшный, как мрак!
А змея, потянувшись, спросила:
— Где ты взял невидимку, дурак?..

АКТРИСА

Театр закрыт. На сцене убран свет.
В гримерной пахнет пудрой и кефиром.
Актриса ищет в сумочке билет
На электричку в 0.24.
Из полумрака в зеркало глядит,
Себя в себе не сразу узнавая.
У глаз морщинки... Волге, скверный вид...
Прикуривает, пальцы обжигая,
Роняет спичку на пол...

Сквозняки
По электричке сумрачной гуляют.
За час езды до станции Синьки
Актрисе три свиданья назначают.
А в тех Синьках — последняя изба —
Угрюм,
Худощ

И бородат, как Нестор,
Ждет друг ее. Он первая труба
В провинциальном духовом оркестре.
Считается еще, что он поэт,
Которого чужая зависть губит,
И от него

житъя и спасу нет! —

Но одного его актриса любит,
Когда бежит к озябшему крыльцу
Тропинкой меж кустов сирени редких,
И ударяют ветки по лицу,
Тяжелые, безлистенные ветки.
Когда на двери падает засов,
Когда...

Она не помнит остального!..

Он ей такую смог внушить любовь,
Какою любят ангела больного.
Что из того, что насмѣрть надоел
Он всем другим!

Ей до других нет дела!..

Всю ночь в избе слепящий свет горел,
Всю ночь труба серебряная пела!
А утром в электричке сквозняки
Насквозь актрису прожигали снова;
И волосы метались у щеки,
Как будто крылья ангела больного.

* * *

По скользкому склону, вопя и гремя,
Уходит состав на Великие Луки.
Зачем нам торжественность нашей разлуки!
Ты помни меня и не помни меня.

Уже по вагонам прошла кутерьма,
Еще и пол слова не сказано толком,
И словно бы все начинается только:
Ты любишь меня и не любишь меня.

Но поезд уходит, вопя и гремя!
И смотрит в упор постовой в плащ-палатке!
Я слепну
и глухну
на третьей площадке!

Не видишь меня
и не слышишь меня.

* * *

Не с первого крика,
Не с первой слезы и не с первого смеха
Начало мое,—

начинался я с первого снега
Над шумом вокзала,
Где ты меня смела окликнуть,
Но прежде — увидеть,
узнать,
и признать,
и приникнуть.

Но прежде, чем рядом пошли мы,
Боясь и смелая,
Но прежде, чем в дом наш
Вошла эта ночь ворожеей,
Но раньше, чем всюду тебя
И навеки не стало —
Снежинка последняя
Первого снега
Пропала...

* * *

Где преклоню главу,
Там и найду ночлег...

Снег первый — на траву.
Потом снега — на снег.
На рану боль сперва.
Потом — на шрам, на след,
на память, на слова,
в которых смысла нет...

Зима белым-белая,
Хоть только начала
По декабрю разбег...
Примчалась. Обняла.
С плечей сметает снег.

НОВЫЙ СНЕГ

В шуме, что уши закладывал,
В дыме, что застил глаза,
Как же тебя я угадывал?..
Можно понять, да нельзя.

ФОТОСНИМOK

Стена расстрела.
Стать? Под той стеной?..
Представить, что каратели напротив,
Тебя — напротив,
Нас двоих — напротив,
Не ужаснуться:
 ты, как смерть, со мной!...
...На снимке черно-белом
В прицеле объектива
Стою — такой счастливый! —
Там, у стены расстрела.

* * *

...И лежала она, неживая,
Не чужая ему, не чужая.

Вот — случилось. Пришло. Навалилось.
Кто теперь ты и где ты, скажи?..
Что-то помнилось,
Больше — забылось.
Оглянулся назад: миражи.

Оглянулся вперед: ни тревоги,
Ни тоски на душе, ни беды.
Лишь разбитые стлались дороги,
На которых истерлись следы.

Так стоял, сам собой удрученный,
И смотрел за пределы земли,
По какой
И в какую
МИЛЬОНЫ
Неизвестно и грозно прошли.

Лишь когда опускали в могилу —
Повело, новело его вбок...
Устоял. Бросил глины комок,
И из гроба послышалось: милый...

ПРИЗРАКИ

Ветреным утром, тревожно бродя в листопаде,
Сынья дыханье едва осмелевшей зимы,
В осень уходим...

А стены и лестницы сзади.
Не озираяся, любимая, это не мы!

Это не нас догоняет по лестницам мука!
Это не мы, как немые, у края зимы.
Это не нас ожидает в засаде разлука.
Ты не пугайся, любимая: это — не мы...

Это порой, когда медом наполнились соты,
Громы прошли и грозится ударить метель,
Вдруг по-над гарью,

в прекрасной тоске перелёта,
Призраки наши, пугая, проплыли в апрель.

ОТКРЫТКА ИЗ САРАЕВА

У валуна, который сообщает,
Что точно здесь, на этом самом месте
Убит был всем известный Фердинанд,
Тот самый Фердинанд, тот самый герцог,
Верное, эрц... Что значит это эрц?..
(Узнать.)

Так вот у памятного камня
Стоит розовощекая австрийка —
Красавица, альпийская богиня,
Что стала олимпийской чемпионкой,
Которую для утренней рекламы
Томительно снимает тощий швед,
Стараясь, чтобы в кадр попала надпись
На валуне, который сообщает,
Что некогда на этом самом месте
Убит был эрц...

А к валуну идет
Солидный немец, герцога ровесник,
С ним дама молодая, у которой
Две пары лыж. Она глядит на шведа —
Швед па нее. Смеется чемпионка,
Искрится снег у валуна того,
Где некогда... который сообщает...
На миг жену одергивает немец
И молвит ей: «Nicht er der Letzte war»⁴.

СОН

«Я замыслил побег...» —
«А куда?» —
«Никуда». —
«А зачем?» —
«Неизвестно». —
«Как странно». —
«Не странно, а страшно». —
«Немного». —

«Я бегу по ночам,
Меж огней,
По гремящим дорогам...» —
«Никуда?» —
«И туда,
Где живешь ты еще, слава богу,
И тяжелые волосы
Гладишь
На хрупком плече». —
«Ты ко мне убегаешь?» —
«К тебе». —
«Это странно вдвойне». —
«Это страшно вдвойне». —
«Я понять не могу!...» —
«Понимаешь,
Если каждую ночь от меня
И ко мне убегаешь!..»

— Ты меня разбудил?..
— Да.
— Зачем?..
— Ты кричала во сне.

ЖЕНЩИНА

Стояла она, наклонившись над темной рекой,
и долго смотрела, как волны качают звезды.
...В далеком затоне потом я

русалку найду —
и очи русалочки тихо закрою рукой.
А после — ослепший — по берегу
буду
идти.
И будут две черных гадюки
за мною
ползти.
Догонит одна —
и ударит, как молния, справа.
Догонит другая —
и высосет с кровью отраву.

⁴ Не он последний (нем.).

ТЫ ДА Я

То стоим на виду,
Всем заметные, будто калеки,
То бежим, как по льду,
Когда вскрылись и движутся реки.

Наперекор. Наперerez.
Стресс. Нервы.

Вызывать интерес —
Называется это, наверно.

БАНАЛЬНОЕ

«...Пусть так!» —
И засмеялась.
И ушла.
Был смех озnobным, как в жару в колодце
Вода,
и резким, как толчок крыла,
Что в памяти лопаток отзовется,
Когда —

на колокольню —

И лети
От докрасна заласканных
К опальным!..
Банальности по мог перенести,
Но вот
ушла —
И некуда банальней.

За дверь:
«Вернись...»
И с шепота —
На крик!
И плачешь! Унижаешься! Глупеешь!
И так высок банальностей язык,
Что даже говорить на нем не смеешь.

Целебной боль бывает,

Как тайных трав коренья...
Врачуя, убивает
Отрава исцеленья.

Загадывать нелепо:
Чему бывать —
случится...

Зажги меня,
как небо —
Молонья-огпевица.

Сгорю и не заплачу,
Что ночью гулевой
Сгорел...
Столбом горячим
Всклубится пепел мой.

Вышел.
Качнулося поле
За небосклон путеводный.
«Милая! Что это?» —
«Воля». —
«Воли не знает свободный».
К дому спешил через степи.
Ткнулся в цветы на подоле.
«Милая! Что это?» —
«Цепи». —
«Знаю. Сорвать их — и воля».

Удержи меня... Не отпускай...
Рук не простирай передо мною...
Пусть твоих проклятий я не стою —
Проклинай.

Проклинай, припомнив все утраты.
В том, что не сберег, не сберегу,
Не могу я
Быть
Невиноватым.

Слышишь, не могу.

День прощанья — лучший день для мщения.
Не продай меня, не измени —
Не карай меня ты всепрощеньем!
Смилийся...

припомни...
прокляни.

* * *

Людмила

Вступаю под сень листопада.
Дай руку!
Спокойнее разум — так надо —
приемлет и радость и муку.

В предчувствии сердце забилось.
Готовлюсь к отчету лесам.
Сбылось.
А точнее — свершилось.
А что — и не ведаю сам.

Пора!
Провожает нас лето.
Помедлить его не молю.
Это свершилось — и это
называется просто:
люблю.

Дай руку!
Позволь повстречаться
моей беспечали с твоей...
Юности — продолжаться
вспоминанием о ней.

Этой суровой основы
в осень с собой не беру.
Где-то тенью сосновой
жизнь моя плещет в бору.

Где-то твоя, золотая,
застит черемухи свет.
Можно жить вспоминая,

можно и нет.

Будущее — подарок.
Светят в дали осенней
мой новый день — пожаром,
твой новый день — спасеньем.

Избрана ты природой,
тайной ее владеешь:
знаешь, что ты свободна...
Знаешь, да не умеешь.

Тайна
под самым сердцем.
Носишь ее, как вину.
Вот и вырос в луну
месяца юный серпик.
Прошлое камнем —
мимо.
Время забыть о каменях,
время —
перед любимой
свято стоять на коленях.

Через нее породниться
с птицами,
небом,
водою...
Руку!
Дай возвратиться
вновь спасенным тобою...

* * *

Запричитали, забились колеса,
падая с кручи...
Как ни болит — мы ие вешаем носа,
верно, попутчик?

Что покидаем, кого покидаем —
друга, дивчину?..
Картами с крапом
в судьбу
не играем —

к черту причину!

Вдаль уезжаем, веря слепо
в зов перемены.
Кружит за окнами низкое небо
цвета измени.

Поезд летит, под себя подминая
пестрые версты.
Жизнь прояснится у крайнего края
мудро и просто.

Что же обратно спешит обреченно
память-отрава?
Будто ползет, припадая, крольчонок
в горло удава.

Будто злодея к месту бесчинства
тянет невольно...
Ладно, попутчик! Спереди — чисто!
Чисто и вольно!

Ладно, попутчик!
Мы — не галерники,
цепью не сшиты!
Наши надежды, наши америки
нам не закрыты.

Будет житье с хороводом и танцами,
с песней, что холиши...
Это еще не последняя станция,
что ж ты выходишь?!

Что же в возвратную кассу рука
тычет рублевку?..
Встречный блеснул, как с каблука
блещет подковка.

Ветер качнул на столбах провода
того и шало...
Кто-то торопится, рвется туда,
откуда сбежал я...

ПОПУТНАЯ

От плоти — плоть.
И плотью к плоти
Нас бросило на повороте.
Дороги желтая змея
Скользнула в зелень лип высоких...
Зеленоокая моя!
Я не люблю зеленооких.

Но безрассудна эта сила,
Что сквозняками в нас гудит.
На миг единый породнила —
Навек она разъединит.
Нет, ты не будешь виновата!..

Но до утраты, до расплаты,
Но до разлуки за версту
Глядишь ты, как сестра на брата,
Как сирота на сироту.

* * *

В глазах твоих страданье
Хоть волком вой.
Река иепониманья
Меж мною и тобой.

Бушуют омутами
Обиды, маята.
И нет меж берегами
Ни одного моста.

Прицельная наводка
Вранья и ерунды.
Бесвесельная лодка
В слепых руках воды...

ДОЖДИНКА

Из тысяч капелек
слагаются дожди,
дождинка каждая —

особая планета,
невиданные
там цветут сады,
неслыханные
распеваю птицы;
дождинка каждая
тихонько что-то шепчет,
когда по волосам твоим стекает
в подставленные лодочки ладоней,
твои ладони —
полные планет;

как передать мне
нежный шепот капель
глаголами
приказов,
воплей,
маршай?!

Упала капля.

СНЕГА

На землю приходят снега
не с шумом и громом,
а тихо,
и гибнут под ними туга
и душу точившее лихо.

Снега —
и не вспомнишь, о чём
тебе лишь вчера горевалось,
какая беда над плечом,
усмешку тая, наклонялась.

Снега —
надо всей суетней,
поднятой моим листопадом —
как стая, проходят над садом,
где яблони сажены мной.

Снега —
чтоб наполнилась вновь
душа моя грустью и смехом

и тем, что цвело до снегов
и что не осталось под снегом.

ГАЙ

За гаем сразу новый гай.
Не вспомню, что видал до гая.
Все наперед я забегаю
Себе, судьбе... ну что ж,

пускай!

Так быть должно... но иногда
Пора случается такая,
Когда живется, как стекает
В овраги полая вода.

Смиряясь с участью любою,
Гудя в оврагах и трубя,
Она течет сама собою,
Не убегая от себя.

И мне — какой ни делай вид —
Самим собою жить придется.
Жить, как счастливое смеется.
Жить, как болючое болит.

* * *

Николаю Сидоровичу

На перекрестках дней,
что гаснут, будто зовы,
приветствуя друзей —
испытанных и новых.

Я рад, что мне не раз
судьба дарила счастье
изведать в трудный час
любовь
и соучастье...

За это
медию слов
с судьбой не рассчитаться.

РУБЕЖ

Все ливни — направо.
И ливни — налево.
Мотор «Москвича» лихорадка заела.
Давай же, давай! Колымага виляет —
Нутро выгорает,
Нутро выгорает.
Потопные воды —

в стекло ветровое!

Дорога назад —
До шумеров? до Трон?
Дорога вперед —
К сатане? или к раю?
Давай же, давай, колымага, по маю!

Вопя, задыхаясь, круша парапеты,
Летел «москвичок» по каемке планеты.
Сpirали дыханье крутые спирали,
Две силы —
Крест-накрест —

восход распирали,

Крутились колеса и рвано, и голо:
На правых —
проколы!

На правых —

проколы!

Покуда машину тряслось и мотало,
Я видел, как смерчом светило вставало,
И горы клонились, и падали травы
Направо, направо, направо, направо —
Где вечером ветер шатается в сеницах,
И птаха шалеет на пятом коленце,
И колоколами срываются беры
На пепел гонимый любови и веры,
Где пахнет дурманами дуг за рекою,
Где мама навстречу мне машет рукою,
Шумят, обливаясь слезами, дубравы...
Но падаю влево!

А тучи — направо,
Направо все звери, и рыбы, и гады,
Мои декабри и мои листопады,
Направо взлетают —
Илона и Ева! —

Две птицы с ветвей родословного дерева,
Направо — силками смиренья и гнева —
Все то, что я вспомнил, срываюсь налево,
В провалы пространства,
где вечность клубится,
Где некогда сон этот будет мне сниться...

НЕМИГА⁵

Сутробы от края до края!
Снега улеглись,
засинели...
Какие метели, родная,
какие промчались метели!

Закованы стужей в вериги —
до солнца, до первой капели —
дома, что еще уцелели
на ниточке
чтукой Немиги.

Там царствовал шелест березы,
покинутой нами, забытой.
Теперь там гуляют морозы
за дверью,
гвоздями забитой.

А к двери —
веселенький признак —
ощерившись пастью геройской,
ползет экскаватор, как призрак
далекой поры мезозойской.

Там лето шалело в покоях,
пустое,
печальное лето,
как желтый квадрат на обоях
на месте былого портрета.

Там в бурю от крыш до подвалов
звенело, гудело, дрожало —
как будто бы войско вандалов

⁵ Немига — название речки, упоминаемой в «Слове о полку Игореве», и одной из старейших улиц Минска.

за дальним леском проскакало...

Метель завивается змеем
на гребне в кольцо золотое.
Зачем мы совсем не умеем
лелеять и холить святое?

Зачем приручается чудо?
Немига забытесь былинкой.
Там лето цвело,
ты оттуда
прощально мне машешь косынкой.

Косынка взлетает, витает
над ветром далеко-далече...

Немига течет...
Окликает...
Сыывает на вече.

ВСТРЕЧА

...Как срез на дереве, набрякший соком,
тяжелым, будто кровь...
«Мой ясный сокол!
Мой высокий сокол!»

Летели голуби из рукавов
и уносили в клювах поцелуи
за город, за дорогу кольцевую...
Кружной,
возвратный голубиный путь.
К тебе
кормиться

стая возвратилась.

А я не мог приблизиться,
дохнуть
тем воздухом, в котором ты светилась.

Тот дождь, что падал на твою ладонь,
пил на коленях, как святую воду,
и, как язычник, веровал в огонь
и в эту сумасшедшую погоду,
когда из туч, как в медное ведро,

грома швыряли за ядром ядро
и мы с тобой ловили неустанно
зарницей оброненное перо,
блестящий меч Изольды и Тристана!..

— И что тот меч?
— Затуплен в обиходе.
— А голуби?
— Летают на свободе...

* * *

Золотая эта зала
Золотится каждый вечер,
Как шкатулка золотая,
Что полна твоих колечек.

Ты танцуешь —
И к финалу
Розы
выпорхнут на сцену...

За шкатулку назначала
Ты немыслимую цену.
За колечки ты платила,
Просто денег не считая...
А заветное ушло,
Будто рыбка золотая.

Но тебе его не жалко...
На пуантах — больно пальчикам! -
Ты бежишь ко мне, русалка.

Все, что есть — один купальничек.

ЗАВТРА РАНО ВСТАВАТЬ

Завтра рано вставать...

О чумелая полночь в окно
Хмуро плялит бельмо,
а беседе конца не видать,
Хоть и сказано все
и допито до капли вино —

Не помощник сегодня оно,
завтра рано вставать.
Наши зябкие тени
устало лежат на степе,
Завтра рано вставать — надо спать,
надо спать, надо спать;
Нам иль страшно обоим
последнее слово сказать,
Или нечего больше сказать,
завтра рано вставать.
Что решим мы сейчас,
не прощая друг друга — виня?
Завтра рано вставать,
поздний час, поздний час,
— поздний час.
Вот мы рядом сидим,
и не ведает каждый из нас:
Как в тебя мне ворваться,
тебе — как ворваться в меня?
Полутемен вопрос,
полутемен невнятный ответ,
Что-то есть между нами,
о чем не дознаться вдвоем.
Может, третий здесь нужен,
тем более речь-то о нем?
Завтра рано вставать...
Ну так нужен нам третий иль пет?
Ночь истлеет углем,
и останутся пепел и шлак.
Потеряют со скуки
слова первородство и честь.
Знаю: истина есть,
знаю: истина есть,
Только мы не приблизились к ней ни на шаг,
ни на шаг.
Значит, кончим ничем,
как и начали все ни с чего.
Завтра рано вставать —
ну, не мучь, не тяни, ие томи...
Свет редеющих звезд
принадлеж на ресницы твои,
Откачнулася тьма от святого лица твоего.
Мне б молиться пред ним.
Или, может, бежать его прочь,
Но прирос, прикипел,

как горбун прирастает к горбу!
Завтра рано вставать —
рассчитаться судьбой за судьбу,
День пе сможет помочь,
коль спасти не сумела нас ночь.
Поздно ранить друг друга
уколами взглядов и слов,
Если клятвами всеми
посмели легко пренебречь.
Надо спать, надо спать,
не перечь, не перечь, пе перечь,
Полночь взбила подушки
под тенями наших голов.
Тени наши уснули.
Раскинулись, словно в степи.
Я привычно поправил
подушку под тенью твоей.
Завтра рано вставать...
А луна между наших теней,
Как часы, все качается на золоченой цепи.
...Рано, рано вставать...

ИНИЦИАЛЫ РЕВНОСТИ

Все рисует он три буквы:
Ш. Л. И —
то под сердцем со стрелой,
то под розами.
Говорю ему:
— Пацан, не шали,
посмотри,
какое утро
морозное!
Снег какой!
А смех какой
на снегу!
Как слетают с горы
лыжи с санками!..
А пацан мне говорит:
— Не могу,
не могу, когда она
с рыжим Санькою.

МАНЯ

Кто родня глухому одиночеству?

Вот оно —

и в одиночку вновь.

Маня, Маня, где твои проречества?

Маня, Маня, где твоя любовь?

Как клялась! Как бушевала сила

В молодой и жаждущей груди!..

Маня, Маня, где твоя могила:

Позади любви иль впереди?

Я не укоряю...

Ради бога!

Как тут ни кляни и ни зови,

Ты — в любом бесстыдстве —

недотрога,

Божья мать ты в своей любви.

Так ведется только у славянок,

То творится только на Руси,

Где для баб — любой мужик —

подранок:

Подбери,

Согрей его,

Спаси...

Пусть он сразу, как почувствует волю,

Оттолкнет крылом земную твердь...

Маня выйдет, чтобы в чистом поле

Неотрывно в небеса смотреть.

Взгляд высок, а небеса широки...

Лишь на миг — ожогом на лице —

Вспыхнет взгляд

в воителе-пророке,

Полохнет в губитеle-лжеце.

И когда, прощаньем сердце раня,

Скажет Маня:

«Прощавай, родня...» —

И пророк, и лжец воскликнут:

«Маня!..

Маня! Мама! Ты прости меня...»

И пойдут, пойдут они за гробом,
Как любой и каждый человек,
Оба ей прощенные — но оба
Небом не прощенные навек.

Оба бесприютные —
в народе

Столь же бесприютном, как они...
Броде люди... Не чужие броде...
Броде и сердца
Не из брони.

Только что ж теперь?..

Раздельно ветер

В чистом поле травами шумит...
Никого и ничего на свете!
Только Маня в небеса глядит.

Да, отгуда даже —
н и от к у д а ,
Из непостижимой той глуби
Смотрит Маня, вопрошая чуда,
Вопрошая у небес любви

Для Земли, где, мучаясь, рождают
Женщины, моря, поля, леса...
Вопрошает Маня, ибо знает:
Лишь одна любовь соединяет
Эту землю, эти небеса.
Лишь одна она и оправдает
Грех земли пред святостью небес!..

Смотрит Маня...

Взгляд все выше тает...
Вот он в мироздании исчез...

Надо ли следить за ним, не надо ль,—
В телескопы глядя в те миры,
Где исчезли миллиарды взглядов,
Всех богов и всех волхвов дары? —
Я не знаю...

Лишь пространство свищет!
Каждый миг — как в колокол отлит!..
Только Мани взгляд чего-то ищет.
Маня спит...

А взгляд летит, летит...

И когда свершит труды планета,
И пробьет ее последний час,—
Лишь одна любовь, одно лишь это
В космосе останется от нас,
Там, где, не страшась исчезновенья,
Гаснут солнца, рушатся миры,
Долг исполнив и предназначенье...

Но до тех времен, до той поры,
Впереди и за другими следом,
К вечности, чей тайный смысл неведом,
Нам идти — и каждому нести
В бесконечный мир и в дом соседний
Если не любовь, то вздох последний:
«Маня... Мама... Ты меня прости...»

Воздушный налет

* * *

Тоскующий гудок. По рекам прошлых лет.
Бастующий итог. Иных итогов нет.
Надеждою какой сердечко трепыхается?
Я не был сам собой. Такое не прощается.

И присно. И вовек. Доколе буду жить —
Не перекрыть тех рек. И не поворотить.

А если, разозлись, попробовать?
Силач...
Вот небо. И земля. Возьми. Переиначь.

КЕВОЛЕЧ⁶

Не так он жил, как все...
Цветы с базара
Себе дарил, носил немодное пенсне,
Платил без всяких разговоров взносы
На радость всяким мелким товариществам.
И отпуск брал не летом,
а под осень.

И ездил не в Пицунду,
а под Минск.
И мерз там восемнадцать дней на дачке
Похожей на собачью конуру.
Таскал повсюду за собою скрипку.
Но никогда никто нигде не слышал,
Чтоб он играл на ней или хотя бы
Давал играть кому-то...

Так он жил.
А рядом жил сосед — и презирал
Цветы с базара, не носил пенсне,
Всегда ругался из-за всяких взносов,
И ездил в Ялту в бархатный сезон,
И иногда водил смычком по скрипке,
Но никогда никто нигде не видел,
Чтоб он носил ее с собою или
Давал кому-то прочему носить...
Так жил сосед.
А вместе они, оба

Напротив жили, в зеркале как будто
И, видимо, жил кто-то так,
Как нужно.
А кто-то, значит,
Жил наоборот.

* * ?

Мне тридцать.
А чего достиг?..
Ни педагог, ни ученик.

Еще плачу школьный долг
Купале,
Танку,
Кулешову,
А паренек, что предан Слову,
В моих сужденьях видит толк.

Родной мой!
Бог тебе судья.
Суды
себе подобных лепят
Какая песнь
У ле-бе-дя?
Как лебель.

Ах, лебедей красиво бьют!
Как выжить —
помогу советом...

— А пишут как же?!

— Как живут.

Как спрашивают без ответа.

У хлопца молнии под веками!
Он верит в то, что он — поэт,
А я скрываю тайну некую,
И в ней —

Он, как слепой, идет по улице,
Он вспоминает сказку, хмурится:
«Под дубом есть сундук,

⁶ Зеркальное отображение слова ч е л о в е к

В нем — утица,
Не лебедь —
Утица,
 а в той
Яйцо
С иголкой золотой...»

Дуб голосит пустыми дуплами,
Катая эха круглый гром...
«Ну как писать?» — парнишка думает.

...Мне легче. Думаем вдвоем.

КОНЦЕРТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Алексею Дудареву

Я стал победителем. Нынче пирую.
Восторги по почте.
Целую.

Привет вам, мещане.
Вы люди простые, хорошие.
Что в будущем вам обещали —
Теперь уже прошлое.
Как дружно вы дунули
На свет, что едва замаячил...
Когда вы не дурни —
Я всем вам желаю удачи.

Собратья Победы! В юпитерах ярких
Со мной вы бежали по склонам Олимпа,
Сметая, круша триумфальные арки,
Разящие разного липой.
Ваш бег, что относится
К жанру свободных,
Не нравился многим —
В итоге:
Торопятся,
Лепят подобных.

Завистников хевра!
На памятных снимках
Со мной вы в обнимку...

Да хрен вам.
Вы спали и видели:
Ну, победитель,
 сломай себе шею!

Для вас победители —
Словно живые мишени.
Но бьете вы, целясь
Туда, где мгновенъе назад
Бежал победитель,— и пули сквозь тени
Летят.

От всех вас, кто скромно
Живет, ожидая
Удобной минуты, чтоб выстрелить,
Спасает нас скорость —
Такая,
Что вам упреждения угол пе высчитать.

Друзья, побежденные мною,
Останьтесь друзьями.
Без вас я не стою
Победы.
Победа — за вами.
Мы были па равных затянуты в сбрую.
Сдиравшую кожу.
Я — нынче пирую.
Вы — позже.
У всех будет праздник!
Никто навсегда не последний...
И перворазрядник
Ворвется на финиш победный,
Где слава, как финик,
Сегодня сладка,
 но где завтра
Рванешься — и в метре от финиша
Свалившись замертво.

Подкинет развязу:
«Гляди! Победителю крышка!
Вот — плата за славу!
Вот — славы отрыжка!»

И слух по стране заметается,
Крича со щитов осажденных:
КОНЦЕРТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ОТМЕНЯЕТСЯ
А Н Ш Л А Г
НА КОНЦЕРТ ПОБЕЖДЕННЫХ

Ценители

в зал для концертов

Набыются, как в зал для суда,
Судача: на сколько процентов
Звезда, что сгорела,

звезда?

Партерные кресла
Разморенно будут поскрипывать,
Пока над оркестром
Не вспыхнет, как молния, первая скрипка
И высветит лица
Восторгом,
Виной,
Искуплением...

Пускай это длится
Недолго,
Победа — мгновенье,
Но этого мига
уже не стереть отпечаток...

На сцене, на ринге,
В перчатках —
и так —
без перчаток,
В поэзии пекле,
В аду стадионов ревущих
Сражается первый
За следом идущих!

Не вечен он, первый.
Олимп — это звездная плаха.
Не выдержат нервы.
Но первый не ведает страха.
Рисковый, раскованный,
Мчится он в звездном потоке,
Чтоб был коронован
Короной Победы
Потомок,
Кто лучше напишет
И выше над планкой взлетит!..

Он — превый, кто видит и слышит
Всех тех, кто его победит,
Кто чиркнет кометой
По небу крутому Победы,
Отмеченный метой
Идущего следом!

ДЕСАНТ

Шли волки по следу.
Отбился десант.
— Отметим победу,—
Сказал лейтенант.
По кругу пустил
Неразбавленный спирт.
— Чередченко пил?

А Чередченко спит.
Чередченко спит —
И ему никогда
Уже не приснится
Ни спирт, ни вода.
Просветы погон
Не приснятся ему.
К чему этот сон?
Я не знаю, к чему.
Но после победы,
Не зная войны,
По горькому следу
Голодные сны
Идут волчьей стаей...

Проснусь. Зазнобит.
Следы заметает.
Чередченко спит.

ВСТРЕЧА С ВЕТЕРАНОМ

...И вот войны последней инвалида
Спросили, где он руку потерял?..
И понял он вопрос. И без обиды
Молчал и думал.
Думал и молчал.

Все съежились: «Хотя бы гром не грянул!
Нормально бы ответил: на войне...»
Но инвалид вдруг как в пространство глянул
У каждого мурашки по спине.

Вскочил парнишка в онемевшем зале:
«Простите... я не то... я не к тому...
Я так... никак... мне просто тут сказали:
Задай вопрос какой-нибудь ему...»

— Чего ты, парень?.. —

Что он вдруг увидел
Там, за войной, где инвалид двурук?..
— Решил, наверно, будто вас обидел,—
Пожав плечами, брякнул военрук.

Его нагрузкой снова обложили:
Недавно диспут! Нынче инвалид!..
Он был здоров. Двуног. Двурук. Двужилен.
Не понимал он мелочных обид.

И тихо инвалид сказал: «Ребята...
Учитель прав... Закончим про войну...
Мне эту руку вместе с автоматом
Отбило в сорок третьем, на Дону.
А уж потом, в те два последних года
Как шла война, на этой же войне
Поубивало множество народа...
Выходит так, что подфартило мне.
У всех свой фарт... Вы этот факт учтите:
У вас одна надежда — на него...»

— Еще вопросы есть? — спросил учитель.
И сам ответил: «Нет ни у кого».

И инвалид прошел сквозь зал,
С цветами,
С улыбкою прощальной на лице,
В свое пространство дальними глазами
В начале встречи глядя — и в конце.

* * *

Нечастый праздник встреч
Давай отметим тихо.
Пусть красной соловыхой
Поет в честь встречи
Печь.

Из-под ее крыла
Нам выбрызнут уголья
Ту песню, что была
Хозяйкою застолья.

Видать, она — на раз.
Да, все, что в час поется,
Сгорит в свой звездный час
И больше не вернется.

Так что же делать, друг?
Подкинем в печь поленья...
Не вечен дружбы круг.
Слабы его сцеплења.

Сведя часы в один,
Давай обманем вечер
И дольше посидим,
Чем длится наша встреча.

Одна из редких встреч,
Когда в душе так тихо,
И только в хате печь
Поет как соловыха...

* * *

Равнодушно проходить
Мимо кладбища и мимо
Дома деда Ибрагима,
Продолжающего жить.
Кто теперь в его дому
Сказки слушает и были?
Мы когда-то славно жили,
Неподвластны никому.
Он — могильщик, я — поэт.

Мы устроились что надо...
За кладбищенской оградой
Никаких смятений нет.
Захороним — и живем,
Пересчитываем деньги.
Песни долгие поем
Про ордынские набеги.
А потом то говорим,
То молчим про все па свете....

Ждал я славы... Ибрагим
Ожидал спокойно смерти.
Каждый занят был своим,
И в своем был каждый правым.
Но меня надула слава,
И не умер Ибрагим.
И, должно быть, потому
Нас судьба разъединила,
Что вдвоем нам не фартило —
И ни мне, и ни ему.

БОГАТЫРСКАЯ ГОРА

1
Грохнул в подножье горы —
пала, расколота:
«Сколько захочешь бери
серебра, золота».

Не наклонился поднять —
зря умоляла.

Встала гора
и осталась стоять
там, где стояла.

2
Хмур возвращался и зол.
Грохнул — не пала.
«Что ж ты, — спросила, — нашел?
Сила и та вон пропала.
Или ходил ты не за
Златом да серебром?..»

Но посмотрела в глаза,
полные севером —
Словно ударила в грудь
страшная сила.
«Ты заслонила мне путь!»

3
И — отступила.

Даже не глянул опять.
Мимо проехал.
...Плакало, силясь догнать,
горное эхо.

САД ВЕТРОВ

Рыгору Бородулипу
Садоводы ветров!
Межпланетные стайеры!
Вы

на гонках веков
На какой век поставили?

Если вам, словно тать,
В книжной лавке иль в булочной
Станет кто-то шептать:
«Ставь

на будущий...» —

На искусы фертов
Не раскините душами.
Садоводам ветров —
В настоящем не душно!

Душно тем, кто,
как тень,
Быть при Солнцах приручены.
Каждый ветреный день —
Ваше будущее.

И покуда рабы
Грезят светлые дали,
Напрягайте горбы.
Чтоб ветра не смолкали!

НОКТЮРН МАНУЭЛЯ ДЕ ФАЛЬИ

Нервные звуки

ноктюрна

садов

Холералифе,

Нервные руки

генерала Галифе,

перебирающею яблоки голов...

Так и живем.

В целом

сюжет не стар и не нов,

а дело

всегда было делом.

Виною не маюсь.

Пустая вина,

что рифма, как розовый туман,
из облака будущего —

во времена,

когда и ноктюрны

по тюрьмам.

По времени —

ветер.

Катя валуны,

он сносит

кричащих

бессмысленным криком.

Глаза поднимите!

Таинственны блики

на скулах

испанской

и русской

луны...

Давайте поплачем

по нашим и вашим!

Раздув галифе —

на поминках попляшем!

Поплачем!

Попляшем!

История знала,

зачем надевала

штаны генерала.

...Срываются звуки

и катятся с горки

цветными глазами

убитого Лорки.

ФИЛАРМОНИЧЕСКОЕ

Голоса приближаются. Скрябин.

Б. Пастернак

Перешептыванья. Переглядыванья.

Ах, какая вошла! А не сядет рядом ли?..

Нет.

Привет! (Навоева — в буфет, нужен.)

Смотрит, как будто контужен. Дурачок.

Но — молчок.

Сколько же народу любит Скрябина?..

И Настурцева здесь. У, ты моя рябенькая.

Добрый вечер. В текущий момент

январь, а у вас — веснушки.

(Что такой за комплимент?

Как порозовели ушки!)

Но от радости:, не от скуки —

так ведь просто...

Ваше место и ряд?

Потом, когда у дирижера руки

надломятся —

и на последнем звуке

по фраку черному безвольно заскользят,

зал возвратится к действиям обычным,

ovationям, словам косноязычным,

которыми о боге говорят.

МИХАЙЛОВСКОЕ

И жало мудрья змеи..

А. С. Пушкин

1

Наречья холодок, ознобный жар глагола...

Враждебные слова в союз соедини,

Глазами всех славян,

всех негров,

всех монголов —

Из будущих времен он смотрит на меня.

Из будущих времен — там декабристы пели,
И шапку не ломал перед царем поэт,
И нет там клеветы, дозволены дуэли.
Н Бенкendorфа нет, и Черной речки нет.

2

Так резко, что губы свело,
Сказал — и лицо запрокинул...
Как было на небе светло!
Зачем же он небо покинул?
«Отец мой! Людские грехи
Страданье мое не искупит...»
Но день искупленья наступит —
Пропели уже петухи.
Как шумно!.. И слух его снова
Не звуки терзают, а свет:
«Ты скажешь им
ИСТИНЫ слово».
Есть слово. Но истины нет.
Есть голод и жажды. Одни.
Вся истина — голод и жажды.
«Скажи — и прозреют они».
«Отец мой! Они — это каждый.
И каждый, как слепок на слепок
Похож на других. Ни к чему
Им истина...

Истина слепит,
И зрят ослепленные — тьму.
Отец мой!
Язык мой от жажды
К распухшему нёбу прирос...»
Но если они — это каждый,
Кто тело

с Голгофы
унес?

3
Есть суть в одном!
...И есть в другом.
И в третьем...
Есть в жизни суть.
И есть, наверно, в смерти.
И в слове, если слово проросло.
Но сутей суть —

Все остальное -- только ремесло.

АЮДАГ

К чёму холодные сомненья?
Я верю: был тут грозный храм.
А. С. Пушкин

На плече твоем облако плачет,
Аюдаг, святая гора...
Грохнет гром — это тавры маячат,
У багряного пляшут костра.
Бьют по струнам — и веруют в царство!
Ни кола тут теперь, ни двора.
Что ты прячешь — античность, дикарство?
Аюдаг, святая гора...
Ты ответь мне, гранитная птица:
По Тавриде, от солнца рябой,
Кто летит золотой колесницей
И хромает разбитой арбой?
Ты ответь:

штормовые напевы,
Низвергая обвалы в горах,
Прах несли из святилища Девы
Или горя шаманского прах?
Ты ответь... Но молчание — золото.
Спит гора в колыбели ночной.
И проносится призрак но облаку
С раскудрявою головой...

КРАСНЫЙ ЗАКАТ

Взял — и родился царем.
Самым свирепым в отчизне.
Пер через жизнь напролом.
Что он хотел, кроме жизни?

Лишь пламенеющий лик
Входит, по водам блуждая....
Да холдеет язык,
Имя его называя...

Он в храме. Надменный старик.
Почти неживая природа.
К нему привыкаю я годы,
И странно — еще не привык.
С той ночи, когда я унес
Его, избежав самосуда,
Еще меня мучит вопрос:
Зачем он? И кто? И откуда?
Бездарная, в общем, мазня
Увядшей культуры Востока...
Но смотрят в упор на меня
Глаза палача и пророка —
Пустые глаза! Два мазка
Утратившей цвет акварели...
Я помню! — они свысока
Из бездны гордыни смотрели
На суетный мир...
Не застыл
Их взгляд...

Как пространство в нем свищет!
...Все то, что душа моя ищет,
Старик этот знал
И забыл.

COBET

По чьему-то пустому совету
Человека мотало по свету.

Человека прибило к порогу —
Он глаза проглядел на дорогу

Не семье благодарен, не дому
Благодарен совету пустому.

* * *

О, как я умел заблуждаться!
О, как я умел удивляться
Своим заблужденьям!.. И вот
Мудрее стал. Не заблуждаюсь.
Поэтому не удивляюсь.

...От мудрости этой, покаюсь
Аж оторопь душу берет!

ЖЕЛНА

Нине Матяш

Даже эха нет в этом лесу —
Лес пустой, как прореха.
А бывало, слыхать за версту,
Если белка играла орехом,
Если щелкала зубом о зуб...
Тиши.

Не просит источенный дуб
Дятла-колотуна
Прочищать стариковское ухо;
Глухо
От светла до темна
В сонном сумраке елей и сосен...

И заплакала утром желна,
Нет — запела внезапно желна,
Что от века была безголосой!

Как звенела она!

Кто она?

И откуда она?

Не видать!.. Только голос в окрестье!

Только в медном оркестре

Золотая струна!

И тогда ожила

Медь, что было совсем онемела:

«Как смогла?..

Как посмела!..»

Сыч вопил из дупла,

И сова, задыхаясь, лютела:

«Здесь она не жила!»-

Ну и что — не жила!

Не жила — прилетела!

И над будничной сущью

Затихал

золотой ее голос...-

Песни надо, чтоб слушали.

Чтоб на песню был голод.

Только лес — как стена.

Даже ветер в вершинах не свищет.

Улетела желна.

Где она

лес свой ищет?

ИППОДРОМ

Иа ипподроме — скачки! Скачки!

Страсти!

С крутых боков коней

дождем стекает пот.

Глядите, как идет

кобыла рыжей масти!

Не бег —

полет!

Кивают знатоки:

победа, не иначе,

кто ставил на нее —

гони в буфет гонца...

А рыжая храпит,

но скакет,

скакет, скакет!

За кругом — новый круг,

которым нет конца...

Счастливчики, вперед!

Вы разжились копейкой,

чтоб вновь на пиво дуть,

читать «Футбол — хоккей», —

а рыжей

пену с губ

замызганной жокейкой

на финише смахнет

удачливый жокей...

ГОНКА

Секунда до старта —

уже не отменится старт.

Шальными глазами ласкают героев девчонки.

Призы и медали сверкают на финише гонки,

но все это — после,

сейчас торжествует азарт.

Секунда до старта...

Тебе не наклеен ярлык,

тебе не пророчат почетное место призера.

Десятку замкнешь —

и не примешь ни капли позора:

привыкли, что ты — середняк,

ну а ты — не привык.

Секунда до старта... —

Как жребий коварный жесток!

Два финна идут впереди,

позади — двое шведов.

А ты — между ними —

как будто затем,

чтобы ведал,

как всякий незаметный сверчок,
свой шесток.

Секунда до старта...
Как здорово финны пошли!
Взметнулся за ними

стремительно
снег над лыжней!

И шведов,
готовых рвануться,
ты видишь спиной:
они — фавориты,
они — короли.

Уже па холме —
«47»
«48» -
два номера черных,
два свитера белых
голубых королевских кровей.
Секунда до старта... — спокойно!
Спокойно...
Спокойно.

Десятку замкнуть —
это очень, конечно, пристойно,
но есть все же карта,
которая бьет королей!

Как щедро — за так! —
мы секунды свои раздаем.
А может случится —
секунды как раз и не хватит
на финише гонки,
коль шведы tandem свой раскатят
и вытянут финны
немыслимый рваный подъем.

Кто первый — тот первый,
хоть губы кусай до крови.
Надежда — у всех! —
на себя, на лыжню, на удачу.

Достать только б финнов.
А дальше посмотрим... побачим...
Достань только финнов —
хоть жилы порви!

Бесславье и слава. Такая секундя цена.
Сейчас.

Или — или.
Как все это ясно и просто.

До финиша — долгие,
трудные,
потные версты.
До старта —
бесславья и славы —
секунда одна.

* * *

...Остегайся, как беды,
по большаку промчаться, леший.
Твои крылатые следы
затопчет пеший.

Под солнцем августа шикуй,
но знай из стужи, издалека:
дорога — не по большаку.
Дорога
сбоку.

Она ведет тебя за край
добра и зла привычной меры.
Ты ощущением обретай
дорогу веры.

Не гнись:
ведь линию добра
направо гнуть или налево —
как из Адамова ребра
сережки вырезать для Евы.

И выходят тебя
река,
ромашки,
зверобой,
купавы,
когда ты с пылью большака
вдохнешь отравы...

* * *

Утихла беспокойная орава
друзей моих,
сократников моих...

Ударит одиночество под дых —
Вернуть захочешь даже тех из них,
Кого и вспомнить не сумеешь, право.

Как строчки прошлогодних объявлений,
Что треплет ветер около дверей,
Размыты лица в памяти моей
Былых любимых
И былых друзей,
Веселых дней и горестных мгновений.

На ликах их ни масок нет, ни грима,
Но все трудней припоминаю я,
Кого любил...
И кто любил меня...
Неясыт свет далекого огня,
В густом тумане скрылись пилигримы.

Ну что же, век!
Бедны или богаты,
Пойдем вперед — в рассвет, а не в закат,
Избаваясь от ненужных ретирад.
Никто не может избежать утрат,
Хоть всем дано предчувствовать утраты.

ДЕЛЬФИНЫ

Памяти, С. Кирсанова

Поэт

сидел за столиком, курил.
Седые волосы топорчились навесом.
Рукой, кивком (с усмешкой, с интересом)
приветствовал пустившихся в распыв.
Сидел...

Курил...

Приветствовал...

Был...

Тарелки на пластмассовых столах

сквозь сизый дым сияли светом лунным.
Тяжелым взглядом,
обожанием юным
соседи отражались в зеркалах.

Поэт сидел,
привычно слушал вздор.
Звенели рюмки, звякали графини.
А в этот миг лиловые дельфины
всплывали в распахнувшийся Босфор.

Как молоко, кипел на волнах след,
вонзались брызги
в берег сарацинский.
— Ты говорить умеешь по-дельфински?
Спросил поэт...

Стояла ночь.
В остуженной Москве
сквозь дождь сверкали огненные дуги.
Поэт окурок прятал в рукаве,
искзал монету и звонил подруге.

У телефонной будки плавал пар,
теснились задремавшие машины.
А в этот миг лиловые дельфины
пересекали синий Гибралтар.

А где-то у Останкинских прудов
в садах давно осыпалась ранеты...
Поэт звонил,
на плач дельфийских слов
переводя подруге гул планеты.

* * *

В Останкино, вечером, в восемь,
да, именно вечером, в восемь,
в Останкино, рядом с прудами,
сидел человек на скамейке...

Была уже, кажется, осень,
да, именно ранняя осень,
и тот человек на скамейке

осыпан был листьями,
да,

в Останкино, вечером, в восемь,
в Останкино, рядом с прудами,
сидел человек на скамейке,
осыпанный красной листвой...

Он медленно голову поднял,
да, медленно голову поднял,
он листья смахнул со скамейки
и взглядом меня проводил...

Зачем-то я все это помню,
так долго
в подробностях помню,
ненужно, мучительно помню...
А нужного столько забыл!

* * *

Поплыл перрон и сник.
Колеса зачастили.
Усталый проводник
разносит чай постылый.
Солдат...
Девчонка...
Дед...
(Девчонка — очи сини.)
Никак не вспомню где,
но я встречался с ними.
Кошмарится вагон,
на время домом ставший.
Плыви, дорожный сон,
до станции ближайшей.
Потянет сквозняком...
Пролязгает железо...
Простится дед кивком,
кряхтя на насыпь слезет.
Порхнет вслед за ним
девчонка, как снежинка...
Снесёт с откоса дым —
и пропадет тропинка.

ДВУХРЯДКА

В Прионежье, в селе Вдовцово,
Не особо привычном к стихам,
Я читал Николая Рубцова
Скучным бабам и мужикам.

Исходила изба зевотою,
Но сидели вдовчане тихи,
Уважая то, что работаю,
А не то, что читаю стихи.

Угасали слова и слабли,
Словно жили в стране чужой...
Вдруг услышали что-то бабы,
Зашушукались меж собой,

И одна — сарафан в горошины —
Подтолкнула соседа: «Вить...
Слыши, а эти слова хорошие...
Вот бы музыку сочинить».

Обнял Вить за меха двухрядку,
И, ремней натянув гужи,
Попросил меня: «Ты по порядку
Эту песню перескажи».

И — запел... И ему подпели.
И взмахнули платком: «Плжать!»

Эх, когда бы мы все умели
Этак
музыку
сочинять!

Чтобы с первых же слов запева
Плясовые пошли крути,
Мелкой дробью сапожки —
слева,
Справа — с пристуком — сапоги.

Загудела изба!..
— Послушай,—
Надрывал гармонист басы,—
Парень этот, едри его в душу,

Не Рубцова ли Веньки сын?

Что тут скажешь?..

«Рубцова. Веньки».

Жить неплохо и в этих краях.

Вологодские деревеньки

В прионежских, как в зеркалах.

Там и здесь на болотах морошка,

У гармошек высокий лад,

Там и здесь на слова хорошие

Люди музыку сочинят.

ПАРОМ

Серебряный след на воде.

Ночной силуэт у парома.

Я снова остался без дома,

Живу на пароме. Нигде.

Паромщик, скажи, дорогой,

Куда мне на этом пароме?

Все те же и то же там, кроме

Того, что тот берег другой.

Паромщик, куда ж мы плывем?..

В судьбе — перекличкой кукушек

Лишь медленный этот паром

На Соже

Меж двух деревушек,

Лишь лунная речка в горстях...

Да брось горевать о корове!

Давай говорить о стихах

На медленном нашем пароме,

Залитом серебряным светом,

Плывущем по лунной воде...

Ну где еще скажешь об этом!

Уж если не здесь, то нигде,

И если не мы, то вовеки

Никто и не вспомнит о том,

Что есть еще светлые реки,

Где ходит —

С варягов во греки —

Меж двух деревенек

Паром.

* * *

Застрится огонь

между высохших веток ботвы,

захрустит, зашипит

под скирдою сопревшего сена.

Горьким дымом пахнет

от багряной и желтой листвы,

от осенней...

Уже не осенний,

после смерти —

кто скажет? —

с какой ее носит поры

по округе

притихшей в предчувствии некой измени.

Это новый наш дворник

порядок завел —

жечь костры...

И еще обещал

в нашем старом дворе перемены.

ВОЗДУШНЫЙ НАЛЕТ

Перелетная птица сломала крыло у звезды —

В проводах возле хат.

И кричит, будто пилит железо она:

— Это ты!

Это ты виноват!

И назад возвращает вожак

поредевший свой строй,

Чтобы крик утолить.

Ведра в хате пустые.

Так страшно идти за водой,

Будто

Будут

Бомбить.

КОЛОДЕЦ

Тяжелой рыбой плюхнется ведро...
Затарахтиг гремучей цепью ворот.
Один глоток —
и царствует добро.
Еще глоток —
и мир красив и молод.

Метнется тень, над травами скользя.
Пчелиный гуд от липы донесется.
На желтый гравий
Падает струя,
И камушки
танцуют у колодца.

ГОЛУБИНАЯ ПОЧТА

Размах
Голубиных полетов.
Мерцанье
Настывшей воды.
Распахнуты в осень ворота.
Завеяны в лето следы.
Тропинкой средь скатого жита
Бежит босиком детвора...
И все же: кто знает, скажите,
Какая на свете пора?

Куда над покоем непрочным,
Над пожней, над полем пустым
Годов голубиная почта
Несет растревоженный дым?..

* * *

Здесь гнездились дома.

А потом те дома посносили
И остались сады.
Кто-то не дал деревьям пропасть
Молодые сады.
В самом цвете стоят, в самой силе —
Яблок столько, что яблоку негде упасть.

Здесь собаки в репье.

Алкаши о балете толкуют.
Электрички свистят,
словно змеи в болоте шурша.
Я привел сюда друга.
Он сказал: «Не выносит душа...
Здесь пустынь и разор.

Здесь деревья кричат и тоскуют».

СИТУАЦИЯ

Камыш одичалый у борта.
Ударишь случайно в слом —
И гнилью запахнет болото,
И эхо бежит куликом
До берега: «Что ты?.. Чего ты?..»

Молчат и чернеют дворы.
Входи — и что хочешь бери.
Хозяева спят до зари,
Храпят, как продавши пшеницу,
Никто ничего не боится.
Никто — ничего!

И назад
От берега эхо отринет.
...И только взъерошится сад,
Да конь захрапит в карантине.
И ухо по-волчьи поднимет
В пустынную ночь
Конокрад.

* * *

В угол забилась и плачет.
Слезы бегут в три ручья
— Кто ты? — спросил я.
— Удача.
— Чья ты? — спросил я.
— Ничья.

Грозные всадники скачут.
Тени великих маячат.
Тени искашивших удачи.
Плачет, и плачет, и плачет...

ХОРЕИ

Вновь на сердце — горше перца...
Сел в седло — да выбило...
Ах, как выболело сердце!
Ах, как выболело.

Торговал я, краснобай,
Весело ранетами...
Виршей мрачных не слагай,
Дурень этакий.

Ах, зеленою смутой вод
Очи подвенные...
Не пиши похвальных од.
Сны гляди про вечное.

Вам за очи да за взор
Яблочки най-лучшие!..
Не рифмуй газетный вздор,
А живи по случаю.

Покатилось — не держи! —
Сердце яблоком...
Вот про это и пиши.
Ямбами.

НАСКВОЗЬ

Концерт для поэта с оркестром

Взметнулось эхо лет —
И в бездну унеслось.
Насквозь —
высокий свет,
И тут же тьма —
насквозь.

Добро
и тут же зло —
Гвоздями сквозь ладонь.
Кого на свет вело,
Тот обретал огонь.

Кто шел, спеша на мглу,

Тот пепел находил.

Насквозь —
добру и злу
Распахнут путь...
Иди!

Года
добром и злом
Мы пробуем на слом,
На слом — земную ось —
Насквозь, насквозь, насквозь...

ВСТУПЛЕНИЕ

Поэзия
не тема для поэм,
И уж не тема для поэм — поэты,
Хватает без того у нас проблем,
В любой газете сыщутся сюжеты,
И тема эта меяеду прочих тем
Могла бы подождать, да вот поэты
О всех поют, а сами не воспеты.

Итак,
Концерт.
Хотя и в жанре этом
Самих себя неловко воспевать,
Да, рассудив, пожалуй, и чревато...

И славится
амбал дураковатый
За то одно, что обнял он лопату
И думает:
копать иль не копать?

Как лом,
Он на пути у нас
Стоит.
А рядом с ним —
кто с дудкою,
кто с лютней —
Гудут-гуляют лежебоки, трутни,
Что в кабинетах завелись утных...
Под корень бы их всех, хоть и свои.

Как их назвать?..

Гнилье и сор. Парша.

Нутро нам разъедает эта ржा,
Короста на здоровом нашем теле...
Напрасно мы чесались и терпели,
Со сволотой

по-доброму хотели —

Не соскести такую без ножа.

Поэтам не хвататься за ножи,
Но ты служи, поэзия, службы,
Не уступай
ни должности, ни дружбе,
Поэзия, ты с Правдою дружи:
Поэт
по долгу

на державной службе,

На службе очищения
от лжи.

Поэзия —
И в храмах,
И в хлевах.
Не вся земля в росе и мотыльках,
И жизнь пропахла не одной лавандой...
Мещанские
на нас
поперли банды
С коврами, как знаменами, в руках!

Им стало мало
Денежку иметь,
Из шкуры лезть, чтоб кус побольше выдрать.
Они решились
нам мораль подкидывать,
Своих — потертых —
Идеалов медь.

Проник повсюду
лицемерный сброд.

Живут не тужат.
Голод, недород,
Огонь, потоп — они находят брод
И доживают до седых бород...

Не камень это в чей-то огород —

В своем бы тут пересчитать каменья,
Как, спутав жажду славы с вдохновением,
Беешь в грудь себя, радея за народ...
Народ смолчит. На совести прозрение...

Проснется ночью,

Станет донимать...

Хоть совесть не у всех — болеть, карать.
Коль взять ее да подressировать,
На задних лапках научить стоять,
Прислуживать заставить, облакеить —
Она легко научится прощать
И будет для тебя хватать и рвать,
Сильней за прочих станет горло драть,
Мордатая, как грузчик в бакалее.

В своем глазу не углядишь бревна.
Но ты — поэт.

Поэзия одна
Твой суд и совесть.

Кто, как не она,
Ни богу и ни черту неподвластна!
Служа ей,

от рассвета до темна
Работай. Если можешь, то всечасно.
Позорное не называй прекрасным,
От грязи душу очищай до дна!
...Чтоб чистить —

самому не след быть грязным.

Ч а с т ь п е р в а я

ВДОХНОВЕНИЕ

Поэт работает меж тем:
Берет перо, бумагу
И пишет:
Я...

Затем
Он долго ищет рифму.
Бывает, что недолго. Бывает, и не ищет.

Я... (Ищет рифму.) Облака — река.

Первый — перлы. (Чешется.) Рука...
(Бьет по мухе, но весьма неверно.)

...Это все прелюдия пока
И смятение натуры нервной.
А стихи летят издалека —
Гости неизведенной Вселенной.

Перед ними следует сигнал,
Чувствуешь его душой и кожей,
А потом стихи —
Девятый вал —
Или нечто, что на них похоже.

Восковые муляжи. Обман.
Может рифмовать и графоман:
Ветры — метры, метры — минареты.
Только графоманы — не поэты.

Графоман — водопроводный кран,
Щедро бьет струя в бездонный жбан:

Оды, мадrigалы и сонеты...
Есть водопроводные сюжеты
(Право, там несет, как из клозета),
И от них зависят графоман.

А поэту наплевать на это:
Не водопроводный океан —
Вольный океан душа поэта.

Не принять сигнал сверхзвуковой
Графоману, пусть он самый рьяный —
Напрочь экранирован собой...
А сигнал все ближе. Боже мой,
Как колышут землю океаны!

Вот пошел, поднялся первый вал,
Разыгрался у подножий скал,
Плещет в рыла валунов-громадин!
Не затем, чтоб морды облизать им,
Из Вселенной послан был сигнал.

Неумолчно океан гремит!
Робкие

во мхи зарылись пуще.
Что не смог осилить предыдущий —
Следующий вал уже свершит.

В этой качке вряд ли устоит
Тот, кто уцепился за привычки.
Вон дубы ломаются, как спички!
Сам поэт не знает, что таит
Океан
в своих глубинах зычных.

Со стихией не поговоришь.
Разгребмелаась, расшумелась, ишь!
Эту силу словом не измерить,
Потому — в отчаянье, в поверье —
Ты, поэт,
Над словом голосишь,
В крик кидаешься, будто кит на берег...
Быть поэтом — риск.
А ты кричишь...

Где же
пролегают неизменно
Межи в стихотворной городьбе?..
Где поэт принадлежит Вселенной —
Графоман принадлежит себе.

На поэта —
изо всех прорух —
Зрит вина,
Невнятно мучит слух
Будущая память и былая.
Графоман живет, о том не зная,
В рифмах весь, как в ласках потаскух,
Сущее покорно воспевая...

Бездна
разделяет этих двух.
У поэта непокорный дух,
Вольный дух
И память болевая.

Ч а с т ь в т о р а я

РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Толкнем ладью воспоминаний...

Был странный час стандартных зданий,
Винивший зодчество сумбурно
В излишествах архитектурных,
Как будто украшавших культ,
За что немало было битых;
Кто бил кого — про то забыто,
Других теперь другие бьют,
Хотя ни в чем излишеств нету.
Да суть не в том:

вращал планету,
Свистел над ней метеоритом
Радарный и гитарный,
Битлов
И первых трасс вселенских
Час.
Мы не охаем этой славы!
На берег левый,
Берег правый
Не развести
его и нас.

Был час поэтов
На планете.

Гуляла вольница, как ветер,
Упряма, молода, горда...
Шестидесятие года.

Как на реке весенней льдины,
Они течение будили,
Их было далеко слыхать,
И что-то чудилось в том гуде,
Чего уж никогда не будет
И, может, не было,
как знать...

Все было.

Да не все осталось.
Но если б снова нам досталось
Прикинуть старые следы,

Навряд ли жили бы мы иначе...
Чего мудрить, пушок свой пряча
В суровый веник бороды?

Но опыт все же нами добыт,
Он — боль и соль, на то и опыт,
Его добыть — как жизнь прожить

А тут —
по целине —
держава.
Во всем размахе величавом...
Идет она — земля дрожит.

Мы — путь державы, суть эпохи.
И, если нас кусают блохи,
Махнем неосторожно — ох,
Нарубим дров, навалим леса...
Пора научного прогресса —
И время прогрессивных блох.

Да что там,
разве не советский
Был прошлый день,
Где шаг Плисецкой
Галерке шеи выгибал,
И, как живой курган Мамаев,
Гремел набатно Магомаев,
И бухенвальдский зов стонал:
«Люди мира, на минуту встаньте!»

Мы разве хуже были?
Разве
Не ждали, что наступит праздник
Народов, мира торжество,
И сквозь огни войны, сквозь муки
Родня
Родне
Протянет руки...

Мы ждали праздник. Ждем его.

Выходит, перемен немного...
Пегас, Гнедко — одна дорога
И тот же транспорт гужевой.

Все так же воздух пахнет гарью,
Фарцовщик бредит о приваре...
Но улыбался нам Гагарин,
Твардовский был еще живой.

Их имена не канут в Лету.
А лучше, хуже было —

это

С горы видней, чем под горою.
Приходят новые поэты.
Приходят новые герои.
Но остается знак охранный
На тех годах, теперь туманных,
Но столь неистовых тогда...
Не знали мы о Королеве —
А он был с нами...

Сколько нови

Бурлило в яром вашем зове,
Шестидесятые года!

Мы зыбким светом их согреты.
Да не сотрутся их приметы,
Как со стола
Нагар свечной...
И в час дневной, и в час ночной
Не забывайте их, поэты.

Ч а с т ь т р е т ь я

О Т Ч А Й Н И Е

Поутру помаялся под душем,
У стола ночного тупо стал.
Прочитал написанное... Худшей
Ерунды от веку не читал.

Застонал. Согнул бессильно плечи.
Стукнул кулаками: порещу
Жизнь!
Не так живу, не так пишу!
Все слова — холодный пепел в печке.
Боже правый, для чего грешу?
Если есть ты,
Милости прошу:
Дар твой

не по силам человечым.

Выругался. С лютостью глухой
Поглядел па книжные страницы.
«Книги, книги... Разума зарницы.
Для чего они все? Чтобы пылиться?
На мышином пире стать трухой?

Гении со лба стирали пот.
Думали. Чернели от забот.
Разуму учили.

Только вот
Стало ль человечество умнее?
Нищета. Военный ветер веет.
Раб, как жил с душой раба,—

живет.

Смерть страшней. Оружие все злее.
Книга — как зерно, что не взойдет.

Сколько написали! На века.
Хватит умным. Хватит дуракам.
Огнь дышал из черных уст пророка.
У-у-у, как стали!..

Ни с какого бока
Невозможно втиснуться никак.
Полки все забиты. Ого-го.
Ну, стоят. А толку? Что с того?
Так зачем писать и для чего
То, что идиоту очевидно?
С бугорка пустого своего
Восславлять проелавленных? Постыдно.
Защищать обиженных? Кого?..

Нет, пора кончать!
Труха, кора,
Суeta смешная, мишурा,
Стертых слов библейская оскома.
Рви последний лист календаря!
Жизнь, как всем известно, — аксиома.
Что за ней? —

давно узнать пора.

Что нас держит в жизни? Только страх.
Страх один,
Что там
Такой же прах,

Прах один — и ничего другого,
Ни Чертей, ни ангелов, ни бога.
Как из гроба

зрит

покойник

строго!

Что в его зажмуренных глазах:

Конченная,
Новая дорога?
Будущего тени иль былого?
Что он видит в бесконечных снах?

Сны — стихи.

Поэзии тома —
Сонники. Поэты — шарлатаны,
Шулера, мошенники, шаманы,
Род людской сбивавшие с ума...
Гeniev дает нам
этатьма.

Всем поэты лгут. И лгут себе.
В чернокнижной этой ворожбе
Болевой кровинкой на губе
Вдруг не ложь, а правда проступает:
Слову, что рождается в тебе,
Яму гробовщик уже копает.

Сила слов... Какая в слове сила?
Сколько слов на кровь перемесила
Сила власти, денег —
и могила
Сровнена с землей. Песок да пыль.
Веселило слово, голосило.
Шутовской наряд оно носило.
А раздели —
пустота. Пузырь.

Жаждет пустота. Она готова
Проглотить.
Что ж, отрешась от слова,
Отрекись и от житья бытъя.
Больше делать нечего...

Хотя...»

Вздор ночной переписал толково.

Строки зазвенели, что подковы.

Плакал и смеялся, как дитя.

...И забылся

сладким сном медовым.

Лирическое отступление

ПОБОЧНАЯ ТЕМА

Пока семи нет, в магазин
Рули упрямо...
Поэт на свете не один —
И в этом драма.

Есть у поэта
конкурент:

Поэт-коллега.
И здесь поэзии секрет
Сокрыт от века.

Поэтов — как травы в овсе,
Да каждый —
первый.
И, славы ожидая, все
Слагают перлы.

Живую очередь не счастье,
Она, в запале,
Не только в магазинах есть,
Но и в журнале.

Когда поэт на белый свет
Глядит понуро,
То это значит: конкурент
На верхотуре.

Когда на водопой поэт
Идет —
за квасом,
То это значит: конкурент
Очистил кассу.

Коль потерял лицо поэт,
Надрался в лежку,
То это значит: конкурент

Подставил ножку.

Когда ж в статье поэта нет
(В осадок выпал),
То это значит: конкурент
С кем нужно
Выпил.

И тут уже не шах, а мат,
Пиши пропало...
Отсюда истина сама:
С кем пить не надо — этих тьма,
С кем надо — мало.

И конкуренция растет
Без всякой нормы.
Уже и младшие вперед,
Гляди, поперли.

Еще не могут говорить.
А пишут, пишут...
Ну как тут жить?
И как творить?
Не жить тут, пусть оно горит,
А хоть бы выжить.

Пора унять поэтов рать,
Что рвутся в бойню:
Всех четко пронумеровать,
По рангам рассортировать
И по обоймам.

Кто гений — гений.
Кто — долбня.
Не гений, значит.
(А сортировщиком
Меня
Прощу назначить.)

Зачем друг дружку грызть и есть,
Коль в деле же порядок есть?
Закон расклада
Всегда один: чем больше есть,
Тем больше надо.

А кто не хочет оторвать
Себе навара,
Тем привилегия:
Писать
Без гонорара.

Один, четыре раза в год...
Беда какая —
Читает там его народ
Иль не читает!

Слова зияют пустотой.
Поэты: первый... сто шестой...
Ах, все поэты!
...Задазь на постамент —
И стой
С пером, как чемпион с веслом
Стоит себе зимой и летом,
В трусы и маечку одетый.

Ч а с т ь ч е т в е р т а я

ИМЯ

Я сам не святой перед словом.
Срифмовано вдоволь туфты.
Товарищ мой — глас правоты.
С высоких позиций, сурово
Он судит... А очи — пусты.

На зависть здоровые нервы —
Ни боль не грызет, ни вина.
Я грешный, а он правоверный.
И глухо.
Стена.

Товарищ мой, что это с нами?
Что в нас происходит, собрат?
Страшнее цунами
Развал и разлад.

Душа по душе взрыдает,
Пробитая плачем до дна!..
От самоубийства спасает
Святая надежда одна.

Смежая усталые вежды,
Поэты уходят неспешно,
Сквозь годы идут, далеки...

Вчера возлагали надежды,
Сегодня возложат венки.

И всё.
Чей черед собираться?..
Не боязно с миром прощаться,
На крест восходить за него,
Одно только страшно: бояться...
Товарищ!

Кого и чего?

Мы сыплем пустыми словами,
Но вспомним же
в горестный час,
Какие поэты за нами
Стоят, строго глядя на нас!..

Товарищ!
Когда называют поэтом
И пишут в газетах:
Поэт,—
Неловко,
как будто вошел без билета
Туда, где попросят билет.

Мы все виноваты. Повально.
За чистым столом поминальным
Покаемся, глядя вослед
Ушедшим...
Конечно, ты — нет.

Куда там! Милее котурны,
На них ты
с высокой трибуны
То молнии мечешь, то гром.
Ты спутал с трибуной
Трибуна,
Поэта с говоруном.
Ответь, из какой же парильни
Ты этакий вышел стерильный —
Хоть рви на бинты?
Не каждый там мылся, где ты.

Постой, не кидайся в кусты.
Кричу из своей маеты:
Поэзия — не говорильня
Большой или малой туфты.

Поэзия — не искусство
Щегла, что и в клетке поет.
Поэзия — это чувство
Ответственности за народ.

Какие поэты за нами!
Склонимся перед их именами.
Настали теперь времена
Спросить:
а какие мы сами?
Какие
у нас
имена?

Ч а с т ь п я т а я

ОГОНЬ

Нас принимает деревенский дом,
Давно, товарищ, нам сюда хотелось.
Давай вглядимся в прошлое, нацелясь
В года увеличительным стеклом.

Июльский день вершит свои круги
Над серединой лета, на пределе.
Мы долго-долго жить и жить хотели!
И дожили...
Пора платить долги.

Счастливчики!

Не ведая утрат,
Бежали мы с рассвета до полудня,
За праздниками не видали будней...
Ну что ж, настали будни в аккурат.

Обычные. Крутые. Без шумих.
Как и у всех, кто не имеет скидки
На пробы,
на ошибки,
на прикидки...
Да, не у нас теперь права на них.

Долги растут.
...А слово не в цене.
Ну как ему поверить, если рьяно
Оно скрывает истину,
Обманом
Запутывает,
где-то в глубине
Хоронит смысл, как море клад на дне...

Что знаешь ты, товарищ, обо мне?

От этого на стену в нору лезть,
Но вспомним: не слова ли призывают
Нас быть такими, за каких считают,
И забывать, кто мы на деле есть?

И человек, как прежде наг и сир,
Не зная смысла своего в природе,
Непонятным приходит в этот мир
И из него непонятным уходит.

А жизнь идет — и словно бы шутя
Вопросы задает своим порядком.
Поэт в ладоши плещет над отгадкой
И тешится, как малое дитя.

Мы в детстве все поэтами росли
До рубежа, когда природа гений
Ключом замкнула.

Как иголку в сено,
Его мы ищем... Гений — нашли.

Нашли — и что ж?

Казалось бы, щелчок —
И жизни смысл не может не открыться...
А тайна как таилась — так таится.
Не потому ль, что на дверях в темнице
Запоров нет... Сам человек — замок.

Сознанье... Разум...
Что он, разум твой!
Материи заразная хвороба?
Так, может быть, умнее нас амебы,
Коль им хватает клеточки одной,
Чтоб пополам делиться, умножать
Число амеб
и не уничтожаться...
Бессилен ум, способный унижаться!
Как весело, гляди, дровам трещать!

Не наглядеться на огонь живой
В изменчивости этих ломких линий...
Огонь живой, покуда в искрах синих
Не догорит до стержня шар земной.
А после

пепел. Головешек чад.
А где же то, что одаряло светом?
Искринки... смена линий... Словом, это
Все, что огнем тут было
Миг назад?

«Энергия?.. Законы?..»
Не смехи,
Товарищ мой! Какая все же проза!
Огонь — душа,
А разум наш тверезый —
Неведомое топливо души.

Не он — огонь.
Не он — владыка наш.
Себя

извечно разум постигает
И превращает в дым, испепеляет
В живой душе бессмертия мираж.

Докажет он, что всем нам умирать,
Душа кричит: нам жить! — и побеждает,
Хоть не
«горит огонь» —
«древа сгорают»
Подсказывает разум ей сказать.

Но все ж горят,
горят,
горят огни
В потоке дней, в изменчивости линий...
Товарищ мой, какие в мире ливни!
Искринку хоть
в ладонях сохрани!

Я верю в разум. Не его виню.
Напрягся он — и выдумал броню,
И стали вертолетами стрекозы...
Так пусть ему
подругой будет
проза.

Поэзия принадлежит огню.

Товарищ! Мы встаем навстречу дню —
Поэты! Не какие-то пролазы.
Что разум —
Разум,
зnamо и коню.
А душу защищая, я храню
И разум тех, кто свой теряет разум.

Я разуму служу, его храня
От проходимцев, что страну шельмуют...
Какие только плуты не noctуют,
Товарищ мой, у нашего огня.
На них надеты тысячи личин.
Огонь —
он всем тепло и свет свой дарит,
А кто на нем горит, кто сало жарит —
Так сразу и не скажешь. Помолчим.

Самих себя зажарить не дадим.
Еще мы хрустнем, как кочан с мороза.
...Товарищ, а не слишком ли тверезо
Мы у огня веселого сидим?

Пусть жизнь цепляет за звеном звено,
Страх побеждая, что из бездны выплыл.
Пройдем мы путь, что нам на долю выпал.
Гляди, как ясно светится вино.
Огонь горит... Давай за это выпьем.

Лирическое отступление

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОБОЧНОЙ ТЕМЫ

Поэт
живет своею жизнью. Пьет.
Закусывает. Редко чистит зубы.
Любвеобилен. Паутину ткет:
Как женщину увидит — завлечет.
Бандита встретит ночью — сиганет.
Обходится бандит с поэтом грубо.

Ну что еще мне, слушатель, сказать?
Я красок не жалел бы для портрета,
Но боязно, что бросишь ты: читать,
Вернее, слушать байки про поэта.
А посему о большем не скажу.
И, чтоб не портить своего товара,
На этом

отступление завершу,
Признайся по секрету, в чем грешу:
Написано
оно
для гонорара.

Давай с него
Гульнем на пару мы!
Обнимемся. Споем. Хотя б фальцетом.
Давай отделим
лето от зимы

В последней части
Нашего концерта.

Ч а с т ь ш е с т а я

КРАМОЛНЯЯ

Что, слушатель, с места привстал ты?
Крамола?..

Нет, миленъкий, выкуси?
Я слово затем это вставил,
Чтоб ты его выбросил.

Крамола — не с матом куплеты,
Не песни блатные про Мурку...
На службе державной
поэту

Нельзя быть придурком.

Поэт! Если страхом ты сломлен
И жизнь по рукам повязала,
Припомн: был Ленин крамольным,
Крамольными Пушкин, Купала.

Крамола —
Обычно крутого посоля.

Цари, палачи
Ее изводили все годы.
Рубили мечи
Лилейную шею свободы.
Ее защищать
Вставала, грозя произволу,
Чтоб не покоряться
и не покорять —

С колами
крамола!

Но сколько в истории лет
Усеяно сплошь пепелищами голыми,
И никнут в петле
Крамольные головы.

Такого удела
Не знать недостойным!
Последнее дело
Считаться крамольным.

На скользкие дыбы
Вели их. Железом пластали.
И хищные рыбы —
Костры инквизиторов —
били хвостами.

На пыль их мололи,
Вели по этапам в рогожке.
Что, нету их боле?
Крамола
В крамоле —
Как будто матрешка
в матрешке!..

К чему нам, товарищ, все это:
Инфаркты, и слезы любимых, и злые доносы?
Однако взгляни,
Как цветут каждым летом
Крамольные розы.
И символом не напрасной
Крамольной борьбы нашей —
Вольно
Полощется стяг наш красный,
Парус крамольный.

Крамольно под ним
в замшелом болоте
Жирок наживать спокойно.
Крамольно
погибнуть на всплеске,
на взлете,
А жить — не крамольно.

Крамольно,
ушами хлопая,
Любить болтуна
За голос...
Поверим ему — и скопом
Умрем от духовного голода.

Не хуже всех прочих людей
Тот, кто речи в цитатники выписал.
Есть выпас идей —
И идейные кони на выпасе.

Мешки травяные.

Пасутся, заразы.

Трактаты слагают пристойно.

Послушать их: базис — надежная база,

Фундамент

под конское стойло.

Неужто

крамольно

В семнадцатом

век

для того мы взорвали,

Чтоб эти вот кони

Бока нагуляли!..

Гляди, как гарцует конник районный!

Яблок — только сгребай.

Как будто район —

Ему отведенный

Рай.

Нет маленькой правды в районном масштабе
И веры

в районной мере.

Мы служим все

в генеральном штабе

Единственной правды и веры.

Будни, парады

С совестью сверим:

Какой будет правда —

Такой будет вера.

ВОДЕВИЛЬ В ДВУХ КАРТИНАХ

Пожалуй в мой дом, человек!

Знакомый и просто прохожий.

Не бойся меня потревожить,

Пожалуй в мой дом, человек.

На зорьке, полуднем, в ночи —

Являйся в минуту любую.

Коль есть что сказать — потолкуем,

А нет — помолчим.

Пожалуй в мой дом, человек!

Вноси все заботы, тревоги.

Входи, если в дальней дороге

Не ждет тебя стол и ночлег.

Входи, человек, в этот дом.

Мы выход придумаем вместе.

Есть долг состраданья. Долг чести.

Входи, человек, в этот дом!

Так был —

предвечерней порой,

Под пледом, при теплом камине

Лирический создан герой

В стихах о любви мировой,

Не худших в моей писанине...

Но речь шла о первой картине,

Теперь перейдем ко второй.

Постучали в двери.

— Кто там?

— Я.

— Кто вы?

— Незнакомый. Отворите.

— Что вам нужно?

— Впустите меня?

— Сплю я...

— Спите?

— Завтра приходите!

— Как же так!.. Некляев вы?

— Некляев...

— Знаете, кто я?

— Но представляю.

— Я читатель. Я у вас прочел

Строхи... Вы писали: днем и ночью,

Кто захочет и когда захочет

Пусть приходит к вам... Вот я пришел.

— Бросьте шутки. Ночь. Не отчиню.

— Так зачем стихи вы написали?

— Вы болван?

— А вы другого ждали?

— Слушайте, сейчас я позвоню,

Чтоб сюда милицию прислали!

— Вот как... Ну, бывайте... Эх, поэт...

Я ведь каждой строчке вашей верил!

«Как же быть?»

Я открываю двери —

Пусто. Никого за дверью нет.

И остался я один в дому,

Кулаком ударив по засову...

Но ведь кто-то был, кто моему

Верили слову.

СОДЕРЖАНИЕ

Звезда Польши

Звезда Польши. Поэм. *Перевод Вад. Кузнецова*

«Глину вперед...» *Перевод Л. Гембцик*

Сестра. *Перевод Л. Гембцик*

«Когда, ломает воздух...» *Перевод Л. Гембцик*

Небесные врата. *Перевод Л. Гембцик*

«Ад — налево...» *Перевод Вад. Кузнецова*

«...И не только фасоны пальто...» *Перевод Л. Гембцик*

Идол. *Перевод Л. Гембцик*

Из Бодяра. *Перевод М. Мелехова*

Бездна. *Перевод М. Мелехова*

Пилигрим. *Перевод Л. Гембцик*

В саду над рекой. *Перевод Вад. Кузнецова*

Семя. *Перевод Вад. Кузнецова*

«Хоть и живем однова...» *Перевод Вад. Кузнецова*

Охота. *Перевод Вад. Кузнецова*

«На радость и людям, и гадам...» *Перевод Вад. Кузнецова*

Сторожка. *Перевод М. Мелехова*

Герника. *Перевод Л. Гембцик*

Облако над школой. *Перевод Вад. Кузнецова*

Вина. *Перевод Вад. Кузнецова*

Баллада лжи. *Перевод Л. Гембцик*

Волчьи ночи. *Перевод Л. Гембцик*

Чердак. *Перевод Л. Гембцик*

«Все поддельно!..» *Перевод Л. Гембцик*

Случай. *Перевод Л. Гембцик*

Вопрос. *Перевод М. Мелехова*

Ответ. *Перевод Вад. Кузнецова*

Космос. *Перевод Вад. Кузнецова*

Ведая горькую веду

Веда. *Перевод Вад. Кузнецова*

Туров. *Перевод Вад. Кузнецова*

Ярмарка. *Перевод Л. Гембцик*

Родное. *Перевод Вад. Кузнецова*

«Веда за калитку...» *Перевод Вад. Кузнецова*

Гармонист. *Перевод Вад. Кузнецова*

Диктант. *Перевод Вад. Кузнецова*

Левки. *Перевод Вад. Кузнецова*

Объявление о найме квартиры. *Перевод Вад. Кузнецова*

Тракай. *Перевод Вад. Кузнецова*

Песенка. *Перевод Л. Гембцик*

«Там, за Кревом...» *Перевод Вад. Кузнецова*

Дожинки. *Перевод П. Кислика*

Покинутый берег. *Перевод Л. Гембцик*

Ходок. *Перевод Вад. Кузнецова*

Рейсовый автобус. *Перевод Вад. Кузнецова*

Варшава, осень-82. *Перевод Вад. Кузнецова*

Армения. *Перевод Л. Гембцик*

Молитва. *Перевод М. Мелехова*

Южный Север. *Перевод Вад. Кузнецова*

Скоморошья баллада. *Перевод Л. Гембцик*

Баллада грузовика. *Перевод Л. Гембцик*

Пыль дорог. *Перевод Вад. Кузнецова*

Яблоки. Перевод Л. Гембцицкой
Шестой год. Перевод Л. Гембцицкой
«Руины замка...» Перевод Л. Гембцицкой
Прощаясь с Аркадием Кулешовым. Перевод Л. Гембцицкой
Домбай. Перевод Вад. Кузнецова
Последнее стихотворение. Перевод М. Шелехова
«Что за грустные песни...» Перевод Л. Гембцицкой
Справка о рождении. Перевод Вад. Кузнецова

Инициалы ревности
«В доме напротив же нищина мыла окно...» Перевод Л. Гембцицкой
«Я нырнул под каменные глыбы...» Перевод Л. Гембцицкой
«Ты облаком плыла...» Перевод Вад. Кузнецова
«Затихло...» Перевод Вад. Кузнецова
Перед тобой. Перевод Л. Гембцицкой
Чужая станция. Перевод Вад. Кузнецова
Станция Спасенья. Перевод М. Шелехова
«Все на грани развали...» Перевод Л. Гембцицкой
Случайная. Перевод Л. Гембцицкой
Вдруг. Перевод Л. Гембцицкой
«От не веселых дум...» Перевод Л. Гембцицкой
Разрыв. Перевод Вад. Кузнецова
Воскресенье. Перевод Л. Гембцицкой
«Живу в сплошной неразберихе...» Перевод Л. Гембцицкой
На заработках. Перевод Л. Гембцицкой
Шапка-невидимка. Перевод Л. Гембцицкой
Актриса. Перевод Л. Гембцицкой
«По скользкому склону, воля и гримя...» Перевод Л. Гембцицкой
«Не с первого крика...» Перевод Л. Гембцицкой
«Где преклоню главу...» Перевод Л. Гембцицкой
Новый снег. Перевод Л. Гембцицкой
«В шуме, что уши закладывал...» Перевод Л. Гембцицкой
Фотоснимок. Перевод Л. Гембцицкой
«...И лежала она, неживая...» Перевод Л. Гембцицкой
Призраки. Перевод М. Шелехова
Открытка из Сараева. Перевод М. Шелехова
Сон. Перевод Л. Гембцицкой
Женщина. Перевод М. Шелехова
Ты да я. Перевод Л. Гембцицкой
Банальное. Перевод Л. Гембцицкой
«Целебной боль бывает...» Перевод Л. Гембцицкой
«Вышел...» Перевод Вад. Кузнецова
«Удержи меня... Не отпускай...» Перевод Л. Гембцицкой
«Вступаю под сень листопада...» Перевод Вад. Кузнецова
«Запричитали, забились колеса...» Перевод Вад. Кузнецова
Попутная. Перевод Л. Гембцицкой
«В глазах твоих страданье...» Перевод Вад. Кузнецова
Дождинка. Перевод Л. Гембцицкой
Снега. Перевод Вад. Кузнецова
Гай. Перевод Л. Гембцицкой
«На перекрестках дней...» Перевод Вад. Кузнецова
Рубеж. Перевод М. Шелехова
Немига. Перевод Вад. Кузнецова
Встреча. Перевод Вад. Кузнецова
«Золотая эта зала...» Перевод Л. Гембцицкой
Завтра рано вставать. Перевод Вад. Кузнецова
Инициалы ревности. Перевод Л. Гембцицкой

Маня. Перевод Л. Гембцицкой

Воздушный налет
«Тоскующий гудок. По рекам прошлых лет...» Перевод Л. Гембцицкой
Кеволеч. Перевод М. Шелехова
«Мне тридцать. А чего достиг?...» Перевод Вад. Кузнецова
Концерт победителей. Перевод Л. Гембцицкой
Десант. Перевод Л. Гембцицкой
Встреча с ветераном. Перевод Л. Гембцицкой
«Нечастый праздник встреч...» Перевод Вад. Кузнецова
«Равнодушно проходит...» Перевод Л. Гембцицкой
Богатырская гора. Перевод Л. Гембцицкой
Сад ветров. Перевод Л. Гембцицкой
Ноктюрн Мануэля де Фальи. Перевод Л. Гембцицкой
Филармоническое. Перевод Л. Гембцицкой
Михайловское. Перевод Л. Гембцицкой
Аюдаг. Перевод М. Шелехова
Красный закат. Перевод Л. Гембцицкой
«Он в храме. Надменный старик...» Перевод Л. Гембцицкой
Совет. Перевод Л. Гембцицкой
«О, как я умел заблуждаться...» Перевод Л. Гембцицкой
Желна. Перевод Вад. Кузнецова
Ипподром. Перевод Вад. Кузнецова
Гонка. Перевод Л. Гембцицкой
«...Остерегайся, как беды...» Перевод Вад. Кузнецова
«Утихла беспокойная орава...» Перевод Вад. Кузнецова
Дельфины. Перевод Вад. Кузнецова
«В Останкино, вечером, в восьмь...» Перевод Л. Гембцицкой
«Поплыл перрон и сник...» Перевод Вад. Кузнецова
Двухрядка. Перевод Л. Гембцицкой
Паром. Перевод Л. Гембцицкой
«Заструится огонь...» Перевод Вад. Кузнецова
Воздушный налет. Перевод М. Шелохова
Колодец. Перевод Вад. Кузнецова
Голубиная почта. Перевод Г. Серебрякова
«Здесь гнездились дома. А потом те дома посносили...» Перевод Л. Гембцицкой
Ситуация. Перевод М. Шелехова
«В угол забилась и плачет...» Перевод Л. Гембцицкой
Хореи. Перевод Л. Гембцицкой
Насквозь. Перевод П. Кошеля
Водевиль в двух картинах. Перевод Л. Гембцицкой

© OCR: Камунікат.org, 2011 год

© Інтэрнэт-версія: Камунікат.org, 2011 год
© PDF: Камунікат.org, 2011 год